

ИТАЛИЯ И ИТАЛЬЯНЦЫ

Анна Павловская

12+

Анна Павловская

Италия и итальянцы

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Павловская А.

Италия и итальянцы / А. Павловская — «ЛитРес: Самиздат»,
2001

ISBN 978-5-532-06350-1

В книге раскрываются особенности национального характера итальянцев, рассматриваются основные составляющие мира Италии, среди которых: своеобразие Италии как региона, взаимодействие с окружающими народами, традиции и своеобразие итальянского быта, общественные и семейные отношения, традиции питания и отношение к еде, искусство садов и парков. Книга помогает научиться общению с итальянцами. Для туристов и путешественников, студентов и школьников, деловых людей, вовлеченных в международный бизнес, для широкого круга читателей, интересующихся культурой Италии. Для обложки использовано фото автора.

ISBN 978-5-532-06350-1

© Павловская А., 2001
© ЛитРес: Самиздат, 2001

Содержание

Введение	5
1. Италия: своеобразие региона	7
Многообразие регионов – единство культуры	8
Коротко о регионах Италии	12
Связь с историей	25
Искусство в жизни итальянцев	30
2. Италия и мир	34
Италия и Европа	35
Исторические традиции путешествия в Италию	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Введение

Италия – одна из самых ярких загадок Европы. Отгадывать ее можно всю жизнь и каждый раз получать удовольствие, открывая для себя все новые и новые грани этого странного, прекрасного и во многом парадоксального мира.

Италия – страна контрастов. Эта емкая формула справедлива практически для любой страны и, тем более, для характера любого народа. Каждый из них часто сочетает несочетаемое, состоит из противоположных и даже взаимоисключающих черт. Но нигде в Европе эти контрасты не достигли такого совершенства, как в Италии. И в этой способности все довести до крайности, до предела – одна из важнейших особенностей итальянского характера.

Вся жизнь итальянцев состоит из парадоксов. Одно из самых молодых государств Европы (Италия в современном значении и географических рамках возникает в середине XIX века) на земле древнейшей цивилизации. Знаменитые на весь мир оперные певцы – и грубые крикливые голоса жителей. Сильно развитый индивидуализм – и царство толпы. Одна из самых совершенных в Европе систем переработки мусора – и грязные улицы. Культ семьи – и крайне низкая рождаемость. Список этот можно продолжать и продолжать.

Ни один европейский народ не сочетает в своей натуре такого количества взаимоисключающих, на первый взгляд, черт, такого большого количества противоречий. Его трудно, почти невозможно, определить емко и кратко, однозначные эпитеты не удерживаются за итальянцами. Не случайно они редко бывают «героями» международных анекдотов, в которых представители разных национальностей ведут себя согласно традиционно приписываемым им чертам: англичане – чопорны, французы – легкомысленны и любвеобильны, немцы – медлительны и обстоятельны. У итальянца каждая отличительная особенность характера успешно уживается со своей противоположностью.

Но, наверное, главная загадка Италии – ее отношения с внешним миром. Подобно гигантскому магниту притягивала она во все времена народы всей Европы. Каждый уважающий себя завоеватель считал обязательным отхватить для себя какой-нибудь кусочек страны. Германцы, арабы, далекие норманны, соседи-французы, испанцы, австрийцы – все они упорно рвались в Италию, представлявшую собой после распада Римской империи не самое радостное место для жизни, раздираемую внутренними уособицами и экономическими кризисами. Подобно положению крестьянства в учебниках советской эпохи, положение простых итальянцев ухудшалось год от года, век от века, усугубляясь частыми сменами хозяев-захватчиков.

Вызывает невольное удивление настойчивое стремление в Рим германских правителей, с упорством, достойным лучшего применения, мечтавших короноваться только в этом священном городе. Себя они именовали по образцу римских цезарей – кайзерами, а владения – не иначе как Священной Римской империей, и даже полностью потеряв всякую связь с Римом, сохранили это название, добавив, правда, «германскую нацию» для ясности. Да и мы в своем величии захотели стать непременно «Третьим Римом», а государи тоже на свой лад цезарями – царями.

Когда эпоха героических завоеваний начала катиться к закату, Италия стала притягивать к себе разного рода путешественников. Любители искусства, романтики, художники, паломники, гурманы, знатоки моды, туристы-обыватели – все они стремились сюда, каждый со своими целями – прикоснуться к прекрасному, поклониться христианским святыням, отвлечься от житейской суеты, удовлетворить взыскательные вкусы, наконец, просто чтобы быть как все, иметь возможность, вернувшись домой, небрежно обронить соседу: «когда я был в Италии...».

Сподвижник Петра I стольник Петр Андреевич Толстой, посетивший итальянские города в конце XVII века, отмечал, что «народов всяких приезжих людей в Венецы всегда множество: гишпанов, французов, немец, итальянцов, агличан, галанцов, сваян, шходов, армян, персов и

иных всяких, которые приезжают не столько для торговых промыслов или для учения, сколько для гуляния и для всяких забав». С тех пор поток людей, посещавших Италию, неуклонно возрастал. Сегодня уже многие путеводители рекомендуют посещать крупнейшие города Италии – Венецию, Рим, Флоренцию – в «мертвый» сезон, поздней осенью и зимою, когда страна солнца и тепла залита унылыми дождями, зато можно спокойно пройтись по улицам, зайти в музей без многочасовой очереди и полюбоваться шедеврами искусства не через головы японских туристов.

Отделы, посвященные путешествиям и путеводителям, в книжных магазинах Великобритании и США являются ярким свидетельством преобладания итальянской темы в интересе к окружающему миру. «Месяц в Тоскане», «Зима в Умбрии», «Итальянские соседи», «Вилла на холме» – книги-воспоминания с такими и подобными названиями заполняют прилавки и пользуются неизменным спросом. Путеводители же по Италии не только многочисленны, но и крайне детальны – есть общие по стране, по каждой провинции, по крупным городам, по важнейшим достопримечательностям, по отдельным регионам. Сегодня вышли даже специальные кулинарные и винные путеводители по самым туристическим местам, например, путеводитель по еде в Тоскане (речь идет именно об описании различных видов еды, а не о справочнике по ресторанам или кафе). И это при том, что американцы, например, одни из самых капризных путешественников, вечно недовольны бытом и условиями проживания в разных странах, а недорогие итальянские гостиницы очень часто далеки от совершенства.

Страстное стремление в Италию, доходящее в некоторых случаях до маниакальности, до некоего сакрального чувства, всегда уживалось с крайне критическим отношением к быту, повседневной жизни и, главное, народу, имевшему смелость, а по мнению некоторых – дерзость, проживать в этой прекрасной стране. Записки путешественников по Италии с древнейших времен и до наших дней полны жалоб на плохие гостиницы, неудобоваримые обеды, плохой сервис, обман и жульничество, которые подстерегают на каждом шагу. Как страстная любовь к стране соседствовала и продолжает соседствовать с высокомерным отношением к народу, ее населяющему, – остается одной из тайн Италии. Страна парадоксов вызывала и парадоксальные чувства.

Подобное отношение нередко приводило многих к стремлению отгородиться от реальности, от современности. Возникало желание воспринимать страну только как гигантский музей под открытым небом. Прекрасные памятники искусства, древние здания, ожившая история, красивая природа – вот к чему, казалось бы, стремилась душа. Но, если разобраться, все это можно найти и в других странах мира. Откуда же эта непреодолимая тяга к итальянской земле, это странное чувство преображения, обновления жизни, переоценки ценностей, возникавшее у многих, приезжавших в страну? Откуда ощущение полноты жизни, переполняющее путешественников по Италии, даже если они и спят в не всегда чистых гостиницах, и вынуждены отказываться от привычного образа жизни? Может быть, дело как раз в людях, населяющих эту страну? Может быть, именно их удивительный характер, неповторимый стиль жизни, по-детски ясное восприятие мира и создают то очарование Италии, которое нельзя выразить словами, нельзя передать, но перед которым трудно устоять.

Цель данной книги – рассмотреть особенности Италии как уникального своеобразного региона, выявить важнейшие черты национального характера итальянцев, попытаться понять, что скрывается за парадоксальными и противоречивыми особенностями итальянской жизни. Понять Италию, может быть, до конца и нельзя. Но принять ее со всеми ее загадками, причудами и пристрастиями можно и нужно, ибо знание дает терпимость, облегчает общение и дарит радость.

1. Италия: своеобразие региона

Каждая страна обладает неповторимым своеобразием, влияющим на все стороны жизни, тем, что можно назвать магией земли. Очевидно также, что народы, живущие на одной территории, обладают схожими чертами характера. С этим соглашались даже яростные противники концепции национального характера, которых не устраивает либо понятие «национальный», либо «характер». Но отрицать очевидное невозможно. Что формирует эти особенности, что влияет на них – вот что уже много веков не дает покоя исследователям и путешественникам. Одни ищут причины в климате – чем жарче, тем страстнее; другие в истории – кто что пережил, тот тем и стал; третьи – в расовой принадлежности (это самые политически некорректные); четвертые – в государственном и социальном устройстве, что может быть выражено переделанной известной формулой «каждое правительство имеет тот народ, который заслуживает». Каждая из этих причин может быть легко подвергнута критике, опровергнута, после чего доказано что-то прямо противоположное. Но своеобразие характеров все равно сохраняется. Скорее всего, определяющую роль играет весь комплекс явлений, окружающих народ – климат, наследие предков, кровь разных племен, перемешавшаяся за века и тысячелетия, пища, традиционно потребляемая, воздух и сама земля, словом, все та же – магия земли.

Многообразие регионов – единство культуры

Сегодня крайне популярны, в том числе и среди самих итальянцев, рассуждения об отсутствии единства в итальянском народе, при этом настойчиво подчеркиваются ярко выраженные региональные различия. В подтверждение приводится тот факт, что объединение Италии произошло совсем не так давно – около 150 лет назад. До этого страна была разбита на небольшие государства, имевшие каждое свою историю и путь развития. В этом случае говорить об особенностях характера итальянцев становится невозможно, остается только рассуждать о ломбардийцах, неаполитанцах, венецианцах и т. д. В одних случаях подобные рассуждения носят ярко выраженную политическую окраску, в других – социальную, в третьих – культурную. Да и средства массовой информации не дают забыть этим различиям, постоянно привлекая к ним внимание, сея вражду и непонимание внутри своей страны.

Безусловно, региональные различия в Италии велики. Заметим, кстати, что есть они практически в любой стране, в которой существует региональное деление. Причем разрыв этот не уменьшается, а во многом увеличивается с течением времени. Прежде всего, это противоречие между Севером и Югом Италии, границей между противоборствующими регионами условно является Рим. Деловой и все более космополитичный Север на первый взгляд мало чем похож на вальяжный и нищий Юг. Сегодня все слышнее голоса политиков и общественных деятелей, призывающих к новому разьединению страны. «Доколе мы, жители Севера, будем своим трудом кормить этих бездельников-южан?» – этот вопрос находит живую поддержку среди жителей северных провинций и яростное возмущение среди жителей южных. Южане, в свою очередь, с презрением смотрят на европеизированный и американизированный Север, считая, что он утратил связь с подлинно итальянской традицией и культурой, которые живы только южнее Рима. Противоречия, успешно разжигаемые прессой и политическими деятелями, нарастают.

Кроме этого существует и другая важная особенность итальянской жизни – привязанность к своей малой родине. Для итальянца патриотическое чувство сосредоточено в первую очередь на родной деревне или городе, потом уже распространяется на более широкую территорию, постепенно выходя на уровень провинции и в последнюю очередь страны. Если город большой, центром мира может стать один район или даже улица. Трудно сказать, что сыграло определяющую роль в подобном отношении – долгие годы национальной разобщенности и иностранного засилья, когда подлинно своим можно было считать только крайне ограниченную территорию? Традиции средневековых городов-государств? Или особенности итальянского характера, ставящего в центр вселенной, прежде всего, самого себя, свою семью, своих друзей и соседей?

Город Сиена по сей день разделен на 17 районов («contrade»), сложившихся еще в средние века. У каждого района свое громкое имя, например, «змея», или «дракон», или «единогор», или «волчица». У каждого свой цвет, символ, знамя. Ежегодно проводимые с 1283 года 2 июля и 16 августа на центральной площади состязания на неоседланных лошадях – Палио – не только красочное развлечение для туристов и способ выкачать из них как можно больше денег. Они определяют, какой район будет победителем в текущем году.

Это большое событие для жителей Сиены: к нему сначала долго готовятся, а потом долго празднуют. Один из современных жителей Сиены пишет: «Никакие попытки описать это событие не могут передать всю важность победы и то значение, которое она имеет для жителей Сиены в их повседневной жизни. Чтобы понять это, надо просто родиться в Сиене и прожить жизнь контрады».

Соперничество между районами очень сильно и сегодня. Говорят даже, что до сих пор на браки между районами смотрят без одобрения. Такого рода узкий местный патриотизм отнюдь

не исключает существования единого города Сиены и его жителей сиенцев. Так же и в масштабах страны: район – город – область – регион, все это в конце концов выводит на общеталланское единство.

В Италии существует понятие «Il campanilismo», особенно распространенное на юге страны, происходящее от «campanile» – колоколья. Подобного рода колокольни стоят на центральных площадях небольших городков. Особые отношения объединяют всех жителей, находящихся в пределах территории, куда проникает звук колокола. По-русски хорошим эквивалентом является выражение «со своей колокольни». Все то, что можно увидеть со своей колокольни, и является частью своего особого мира, только здесь есть уверенность и понимание. Кстати, исторически русские также остро ощущали приверженность к родной местности, вспомним героя известного фильма, который за машину «Родину продал», т. е. свой отчий дом. До конца своих дней итальянец, даже много раз переменявший место жительства, ощущает себя частью своей родной деревни или города. Человек, родившийся и выросший в Неаполе, но живущий много лет в Турине, остается неаполитанцем, и именно так его воспринимают окружающие.

Еще одно понятие – из более древней истории этой страны – древнеримское «гений места» (*genius loci*). Согласно античной мифологии у каждого места есть свой гений, дух-покровитель. Его существование подчеркивало важность общности людей, проживавших в одной местности и находившихся под покровительством одного, общего для них, духа.

Любовь к родным местам красиво передана в народной сказке про колу-рыбу. Заканчивается она страшным землетрясением, полностью уничтожившим город Мессина на острове Сицилия. Известно, что подобные бедствия действительно время от времени разрушают город до основания, последнее, страшное, было в начале XX века (Блок писал: «И дикой сказкой был для вас провал | И Лиссабона, и Мессины»). Так вот, история про мальчика-рыбу, предсказывавшего неразумному правителю катастрофу, заканчивается патриотично: «Однако люди не ушли из Мессины. Ведь каждому дороже всего край, где он появился на свет и прожил всю жизнь. Оставшиеся в живых выстроили новый город, еще прекраснее прежнего. Он и сейчас стоит на самом берегу голубого Мессинского пролива».

Все это – и различия между Севером и Югом, и исторически обусловленная привязанность итальянцев к своему месту жительства в узком смысле, и реально существующие различия между отдельными провинциями и городами – отнюдь не доказывает того, что итальянцев и Италии как единого целого не существует.

Италия существовала и тогда, когда ее фактически не было как страны. Сохранялась она, прежде всего, в названии. Италия, итальянские государства, итальянские города, итальянцы – все эти понятия использовались и были в широком употреблении в период раздробленности страны. Ни у кого не возникало сомнения, кто и что имеется в виду.

В самом начале XVI века Никколо Макиавелли свой самый знаменитый труд «Государь» завершил призывом к освобождению от различных захватчиков-«варваров», как он их всех именует. При этом он пишет о том, что разрозненная и разобщенная Италия готова объединиться хотя бы ради уничтожения врагов и возрождения былого величия: «...как полна она рвения и готовности стать под общее знамя, если бы только нашлось, кому его понести!»¹. Безусловно, Макиавелли, как истинный итальянец, был, прежде всего, страстным патриотом своего родного города – Флоренции. Но одно не исключает другого, и в данном случае местный патриотизм выразился в том, что именно правители Флоренции, как надеялся писатель, смогут стать во главе объединительного движения.

Не случаен, видимо, и тот факт, что именно в Италии зародилась теория национальных характеров. Философа Джамбаттиста Вико (1668–1744), профессора Неаполитанского универ-

¹ Перевод Г. Муравьевой

ситета, часто называют первым этнологом. В своей работе «Основания новой науки об общей природе наций» он впервые поставил вопрос о научном изучении психологии народов и наций. По его мнению, история человечества подчиняется столь же неизблемым законам, что и природа. При этом, подобно тому как каждый человек в течение жизни проходит три стадии – детство, юность и зрелость, так и каждый народ в своем развитии переживает три фазы, обозначенные Вико как «век богов», «век героев», «человеческий век». Естественно, что прежде всего свои концепции итальянский философ основывал на опыте своей страны.

Многие факторы способствовали сохранению итальянского единого начала в разобщенной и формально несуществующей Италии. Это и территория, отгороженная от Европы на севере высокими Альпами, а в остальных местах ото всего мира – водой. Объединял и язык, который, несмотря на сильные региональные различия, был единым на всей территории. А главное, это сохранение представления самих жителей этих разных государств о себе как об итальянцах. Да, безусловно, венецианец и флорентинец были жителями совершенно разных миров, но, в конечном счете, они не отрицали и права на существование таких понятий, как «Италия» и «итальянцы», а, находясь вдали от дома, остро ощущали свое единство. Неаполитанский поэт XVI века Галеаццио ди Тарсия делился в поэтической форме своей радостью от возвращения домой, в родную Италию:

Седые Альпы – зыбкая преграда —
Остались позади, и ожил я:
Ты предо мной, Италия моя,
Для счастья больше ничего не надо.

Какой была мучительной отрада,
Чужим красотам противостоя,
Не забывать для них твои края,
Не ведают твои слепые чада.

Блажен, кто небольшой земли клочок
Имеет здесь, и кровь над головою,
И пропитанье, и воды глоток!²

Известно, что неаполитанцы – большие патриоты своего родного города, но все местные различия и ссоры теряют смысл перед главным – возвращением на родину. От «зыбкой преграды» – Альп – до родного Неаполя еще очень далеко, но это уже свой мир, понятный и близкий.

Однако самые убедительные результаты дает изучение отличительных черт характера итальянцев, особенностей их быта и традиций, образа жизни и манеры поведения. Это позволяет говорить о безусловном внутреннем единстве этого народа. Вне всякого сомнения, национальные характеристики не равнозначно выражены в разных регионах: усиливаются, доходя местами до гротеска, к Югу, и ослабевают, европеизируясь, к Северу. Но никогда, даже в самом неитальянском городе Италии – Милане, не исчезают полностью. Достаточно только посидеть полчаса в миланском баре, конечно не в самом центре, где редко сегодня услышишь итальянскую речь (если только встретишь группу итальянских школьников на экскурсии в Соборе), а где-нибудь на боковой улочке, чтобы почувствовать, что итальянский дух жив и здесь. Пусть он не столь ярко выражен, как в умбрийских городках или Неаполе, но присутствует и здесь

² Перевод Е. Солоновича

совершенно определено, и его ни с чем не спутаешь. Так же эмоционально разговаривают между собой и с барменом посетители, так же с удовольствием поглощают кофе, с тем же независимым видом забегают пропустить стаканчик чего-нибудь подкрепляющего силы. Или посмотреть на лица миланцев во время ежегодного карнавала, не столь знаменитого и помпезного, как венецианский, но не менее яркого, шумного и итальянского.

Единство, безусловно, существует, а значит, можно говорить и об общих отличительных чертах итальянской жизни и характера, опуская при этом региональные особенности. Вместе с тем наличие ярко выраженного регионального деления уже само по себе составляет важную составляющую итальянского мира.

Коротко о регионах Италии

Каждая из областей Италии, всего их 20, обладает своими особенностями и очарованием. Яркие и самобытные, они, подобно мозаике, создают неповторимую картину итальянской жизни. Знакомство с Италией невозможно без краткого описания ее отдельных частей. Как и всякие обобщения, подобное описание грешит условностями, однако попытаться передать дух каждого из регионов все-таки стоит.

Лигурия (Liguria)

Лигурия – место, хорошо знакомое россиянам по художественной литературе. Сюда с середины XIX века стекалась сначала русская знать, а потом и простые обыватели, в поисках тепла, солнца, моря и лекарства от сердечных недугов. Конечно, ныне французская, а в XIX веке итальянская же Ницца имела пальму первенства, но и лигурийское побережье, менее туристическое, высоко ценилось любителями и знатоками Италии девятнадцатого столетия.

Область тянется узкой полосой вдоль Лигурийского моря, здесь царство гор и моря. Через всю область проложена автострада – не устающий удивлять образчик итальянского трудолюбия и любви к прямым линиям: тоннели выходят на мосты, а мосты плавно переходят в тоннели, так что многокилометровая трасса, идущая сквозь горы, иногда долгое время проходит исключительно по рукотворной земле. Вот вам и стереотип о ленивых итальянцах! Дорога эта ведет напрямик во Францию, но французского влияния здесь совсем не ощущается, скорее наоборот – Италия чувствуется долгое время и после пересечения французской границы.

Лигурийское побережье делится на две части – западную, более курортную, и восточную, более дикую, хотя и тоже курортную (Ривьера Поненте и Леванте соответственно). Это места не столько для любителей полежать на пляже, сколько для эстетов и ценителей местных традиций. Точнее, это, пожалуй, единственное побережье, где успешно сочетается курортная жизнь и итальянский дух. Сан-Ремо, находящийся на западной части, является вполне космополитичным европейским курортом, с отелями вдоль моря, песчаными пляжами и знаменитым казино. Однако стоит отойти всего на несколько метров и углубиться в так называемый старый город, лепящийся, согласно местной традиции, к горе, чтобы оказаться в совершенно ином мире – живого Средневековья. Узкие улочки, обветшалые дома, шумная жизнь на улице, крики переговаривающихся из окон соседей и практически полное отсутствие туристов.

На восточном побережье Лигурии пляжей и променадов вообще нет. И несмотря на это, здесь находится самый модный курортный городок Италии – Портофино. Набережная, забитая ресторанами всех видов, и роскошные яхты в укромной бухте – вот что определяет дух этого места, ничем особенным, кроме модного названия, не выделяющегося среди других. Кстати, сами итальянцы не любят купаться, для них море – это сидение на пляже в красивых купальниках и поедание мороженого, да и то это занятие в основном для мам с детьми и молодежи. Плещутся в воде с радостным фырканием и взвизгиванием, под снисходительными взглядами итальянцев, преимущественно немецкие и русские туристы.

Жемчужиной этих мест можно назвать территорию «Пяти земель», Чинкве терре (*Cinque Terre*). Пять деревушек лепятся к спускающимся прямо в море скалам. Склоны засажены оливковыми деревьями и лимонами. Основа питания – все, что ловится в море, обильно политое местным оливковым маслом и соком местных лимонов. Запивается все это местным же вином.

Жизнь в этих местах неспешная и относительно спокойная. Жители вполне доброжелательно, как, впрочем, и по всей Италии, воспринимают сезонных туристов – кормильцев и поильцев многих местных семей. Кстати, это одно из немногих курортных мест, где отдыхает больше итальянцев, чем иностранцев. Улочки и площади заполнены местным населением, раз-

меренно и неторопливо проживающим свою жизнь под наблюдением туристов. Утром – кофе в баре и разговоры, днем – обед в trattoria и разговоры, после отдыха – разговоры и ужин дома в кругу семьи. Поздно вечером на улицах галдят только туристы, пьяные от воздуха и местной сладкой лимончеллы. Местные жители спать ложатся рано, завтра новый день.

Валле д'Аоста (Valle D'Aosta)

Узкой полосой тянется долина Аоста, врезааясь в Альпы. С одной стороны она упирается в Монблан (по-итальянски Монте Бьянко), другим концом спускается в долину Пьемонта. Этот довольно дикий на вид кусок земли, окруженный с двух сторон высокими горами, был давно освоен и обжит людьми. Несмотря на его кажущуюся замкнутость, он всегда был своеобразной дорогой в Европу и, соответственно, из Европы, что вынуждало жителей во все времена возводить здесь оборонные сооружения. Древние римляне также строили свои укрепления, сопровождая их непременными ареной-театром и банями (остатки всего этого величия сохранились в главном городе региона Аосте).

От средних веков остались величественные замки, которые, подобно орлиным гнездам, торчат на вершинах неприступных скал. Видно из них, должно быть, было далеко, но не совсем понятно, каким образом туда попадали люди, а тем более доставляли строительный материал. Долгое время здесь находилось герцогство Савойское, потом Сардинское королевство, и французское влияние ощущается и по сей день. Даже языков официальных здесь два – французский и итальянский. С другой стороны гор находится Швейцария, поэтому местные жители балуют себя и туристов еще и фондю.

Именно здесь расположен перевал и монастырь Сан-Бернар, знаменитые собаки которого – в русском варианте сенбернары – спасали незадачливых путешественников вовремя доставленным глотком бренди, бочонки с которым были привязаны у них к шее. С XI века неугомиемые монахи занимались их воспитанием. Сегодня, по сообщениям прессы, героических собак вынуждены постепенно распродавать, так как содержать их дорого, а идея спасения с помощью глотка бренди в современных условиях утратила свой смысл.

В 1960-х годах эту традиционную, но довольно сложную дорогу в Европу решили сделать удобной – и прорубили здесь тоннель под Монбланом, самой высокой альпийской горой (4807 м). Но это «окно в Европу» оказалось на первых порах не совсем удачным – после страшного пожара, унесшего жизни 39 человек, его закрыли на несколько лет и долго не решались открыть. К тому же «зеленые» и «антиглобалисты» заявили о том, что, с одной стороны, тоннель с грузовиками портит экологию здешних девственных мест, а с другой – чрезмерная близость Италии и Франции тоже ни к чему, дорога в Европу должна сопровождаться трудностями. Сейчас остатки этой активности свисают плакатами над дорогой к тоннелю, но в основном с французской стороны. У итальянцев много других дел.

Сегодня одиннадцатикилометровый тоннель вновь открыт и весь наполнен разного рода мерами предосторожности против возможных несчастных случаев. В оформлении его явно принимала участие итальянская сторона – все блестит и переливается. За его деятельностью наблюдает через видеокамеры целая армия сотрудников, она же собирает вполне приличные суммы за проезд, так что многие предпочитают менее удобную, но более экономную дорогу через перевалы и тоннели соседней Швейцарии.

В этих местах расположена часть горнолыжных курортов Италии. Схожие архитектурно с соседними французскими курортами, среди которых такие знаменитые, как Шамони, прямо с другой стороны тоннеля, они менее яркие, но зато и более спокойные, так как привлекают меньшее число отдыхающих, что, может, и плохо для бизнеса, но благоприятным образом сказывается на общей атмосфере.

Центром горнолыжного спорта в этом регионе Италии является городок Курмайор – спокойный и вполне итальянский, несмотря на французский язык, который здесь не меньше в ходу, чем итальянский. Окруженный высокими заснеженными горами, он удобно расположен между тоннелем и началом автострады. Огромные отели, построенные чаще всего в форме альпийских шале, большую часть времени пустуют. На центральной улице сувенирные и спортивные магазины соседствуют с продуктовыми лавочками. В барах идет размеренная жизнь – карабинеры попивают кофе, иногда согреваясь чем-нибудь посерьезнее, но не перестают при этом бдительно нести службу и активно общаться с местным населением и барменами. В ресторанах поят местным вином и кормят вполне итальянской пищей. Если удастся, радостно обсчитывают простака-туриста. Обсуждают новости, их здесь много, все-таки совсем рядом Европа.

Пьемонт (Piemonte) и Ломбардия (Lombardia)

Эти два соседствующих региона имеют много общего: они занимают большую территорию на севере страны, наиболее индустриально развитые, густонаселенные и космополитичные. Именно центр Ломбардии Милан претендует на общеевропейское положение, «воюя» с чрезмерно, по его мнению, итальянским Югом. Кстати, северяне любят обвинять южан в коррупции и продажности, в неумении навести порядок на своей земле, но вот парадокс: основные скандалы на почве коррумпированности и взяточничества регулярно случаются как раз в Милане – центре итальянской деловой и финансовой жизни.

Географически здешние территории представляют собой плоские долины, а местами и низины, по большей части которых течет знаменитая река По. Климат – влажный и жаркий летом и холодный зимой – позволяет выращивать любимый местными жителями итальянский рис. Растут здесь и другие зерновые, а также виноград, из которого получается вполне приличное вино. Местность эта, в отличие от остальной Италии, наиболее плоская, однообразная и скучная. Время от времени наползают в миланскую низину туманы, черные и непроницаемые, что не улучшает общего неприглядного впечатления от здешней погоды. Но и то и другое отнюдь не уменьшает количества желающих здесь жить.

Здесь – самое сердце итальянского бизнеса и деловой активности. В Турине выпускают фиаты, в Комо – шелк, скрипки – в Кремоне, швейные машинки – в Павии.

Под Миланом в местечке Саронно выпускают столь любимый русскими дамами ликер «Амаретто ди Саронно», появившийся в России одним из первых западных продуктов после начала перестройки и, может быть, поэтому вызывающий сентиментальные чувства. А может быть, из-за сомнительной истории про предприимчивую итальянскую вдовушку, которая якобы случайно создала этот напиток любви. Популярная история рассказывает о художнике Бернардино Луини, который был приглашен в 1525 году расписывать местную церковь. Юная и прекрасная вдова, содержательница гостиницы, позировала ему для образа Мадонны. В благодарность за любовь художника она приготовила для него крепкий напиток, который настояла на абрикосовых косточках. Ее портрет, говорят, до сих пор можно увидеть в церкви в образе Мадонны. А уж ликер продается везде и всюду.

Эти два региона – Ломбардию и Пьемонт – обычно вспоминают сторонники региональной разобщенности страны – «смотрите, мол, совсем неитальянские места. И работа здесь кипит, и сделки совершаются, и все страны собираются для ведения деловых встреч, и люди совершенно другие, непохожие на остальных итальянцев». Все это справедливо, но совершенно не исключает, а порой и подчеркивает итальянское начало, лежащее в основе местной жизни.

Миланцы, безусловно, самые элегантные, нарядные и изысканные из итальянцев. Итальянское пристрастие к дорогой и красивой одежде здесь достигает своей кульминации. Да, они заскакивают в соседний бар за чашечкой кофе и разговаривают с окружающими с несколько

высокомерно-отстраненными лицами – еще бы, они ведь настоящие европейцы. С вполне итальянской увлеченностью они играют в космополитизм и Европу. Они гораздо больше европейцы, чем сами европейцы, в Италии каждая роль должна быть доведена до совершенства.

Здесь же находятся и всемирно известные итальянские ценности – знаменитая опера Ла Скала, «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи, модные бутики прославленных итальянских модельеров – Валентино, Гуччи, Версаче и других, менее известных обывателям, которым по карману только рассматривание ярких витрин.

В Ломбардии скрывается еще одна итальянская жемчужина – озеро Комо. Своей красотой и романтичностью оно смогло покорить даже сердца российских журналистов, традиционно пишущих об изъезженных итальянских курортах: за последние несколько лет появилось несколько, в том числе и очень хороших, статей об этом чуде природы. Это озеро, узкой полосой раскинувшееся посреди высоких гор, получило высокую оценку уже довольно давно. Первая из известных вилл была построена на здешних берегах еще в I веке н. э. Плинием Младшим, ловившим рыбу из окна собственного дома и с восхищением отзывавшимся в письмах о красоте окружающей природы. Римляне называли Комо певуче – Ларио.

Потом были многие другие – итальянцы, немцы, русские, англичане, – знатные и знаменитые, в том числе и царственных кровей, под стать величественности здешних мест, – Фридрих Барбаросса, герцоги д'Эсте, Шарлотта Австрийская, Стендаль, Лист, Достоевский. Английские романтики-поэты слагали об озере стихи. Здесь любил отдыхать от государственных забот Черчилль. Здесь же построил виллу американский миллионер Рокфеллер, сейчас она находится в собственности его фонда. А не так давно озеро Комо вошло в моду в мире кинематографии: на его берегах снимались эпизоды из фильма «Звездные войны» – самые красивые и яркие, надо отметить, а также здесь купил и обустроил виллу американский актер Джордж Клуни, о чем не перестают сообщать английские и американские журналы. Словом, место это было популярно и наполнено путешественниками во все времена.

Несмотря на такую популярность среди иностранцев, озеро уцелело и даже смогло сохранить свой местный колорит. В маленьких городках, которые, как бусы, окружают озеро, царят мир и покой. В каждом из них центральная площадь с церковью наполняется перед ужином гуляющим народом, вечный кофе в вечных же барах пьется под неизменные разговоры, итальянская кухня разнообразится озерной рыбой, которой славятся здешние места. Быстрые кораблики скользят по тихим водам, развозя на работу и обратно галдящих местных жителей. Своими громкими голосами они столь активно обсуждают новости уже в 7 часов утра, что обычно шумные туристы, даже американцы, стихают и не мешают течению итальянской жизни. Не пустуют и роскошные виллы, превращенные в парки и музеи и открытые для посещения, причем заполняют их не только восхищенные туристы, но и сами итальянцы, заглянувшие сюда с друзьями, чтобы отдохнуть и поболтать среди красоты.

Трентино-Альто Адидже (Trentino-Alto Adige)

Эта северная область относительно недавно досталась Италии: еще в начале XX века она входила в состав Австро-Венгрии и только после Первой мировой войны по Версальскому договору отошла к Италии. Здесь царство той величественной части Альп, которая носит название Доломитов, горных лыж в уютных альпийских деревушках, приятной смеси австрийской, немецкой и итальянской жизни. Само географическое название здешних мест – южный Тироль, подчеркивает действительно ощутимую связь с соседней Австрией. Здесь же находится самый удобный альпийский перевал Бреннерский, который связывает Италию не только с Австрией, но и с довольно близко расположенной Германией.

Несмотря на иностранные корни этих мест, итальянский дух потихоньку проникает и в эти края. На довольно грязных заправках сидят неторопливые итальянцы; местные вина, кото-

рых здесь производится довольно много, по вкусу ближе к итальянским, чем к австрийским или немецким. Правда, кофе здесь совсем не так вкусен, как в остальной Италии, а местная ветчина напоминает, скорее, немецкий шпик, чем благородное итальянское прошутто.

Венето (Veneto)

Над этой областью, безусловно, довлеет ее главный город – Венеция. Венеция, что бы про нее ни писали и ни говорили, это целый мир. У нее столько же противников, сколько и почитателей: одни считают ее старой и прогнившей, разваливающимся памятником былого величия, другие воспринимают ее как самый живой и яркий город земли. Оскар Уайльд, оказавшийся в городе на воде в один из тех жарких дней, когда ветер нес запахи застоявшейся воды и прелых овощей, написал, что, катаясь в традиционной черной гондоле, он чувствовал себя плавающим в гробу по сточной канаве. С другой стороны, ироничный А. П. Чехов, во время европейского путешествия чувствовавший «одно только утомление и желание поесть щей с гречневой кашей», писал в письмах, что Венеция его «очаровала и свела с ума». Впадая в несвойственный ему тон, он восхищенно восклицал: «Восхитительная, голубоглазая Венеция шлет всем вам привет! Ах, синьоры, что за чудный город эта Венеция! Представьте вы себе город, состоящий из домов и церквей, каких вы никогда не видели: архитектура упоительная, все грациозно и легко, как птицеподобная гондола».

Как бы там ни было, но Венеция завораживает практически всех. В том числе и скептиков, считающих ее туристической клоакой, а потом полночи вдыхающих пьянящий аромат сумасшедшей и праздничной венецианской ночи.

В заполненной круглый год многочисленными и разнообразными путешественниками Венеции достаточно чуть-чуть углубиться в боковые улицы, чтобы попасть в совершенно иной мир. Здесь в кафе, лишенных всякой внешней яркости, сидят люди и играют в карты, а на маленьких площадях шумные мальчишки гоняют мячик. Здесь течет своя, особая жизнь, на вид мало изменившаяся за последние столетия и уж совсем не зависящая от шумной толпы за углом. Но и в праздной толпе, и вечном празднике на центральных улицах – тоже Италия, такая, какой она бывает, когда веселится и празднует. Только в других местах это происходит несколько раз в год, а в Венеции – всегда.

Район Венето славен и другими итальянскими достопримечательностями. Здесь расположена Верона, знаменитая древнеримским амфитеатром – Ареной, на которой идут современные постановки классики, центральной городской стеной, силуэт которой напоминает кремлевскую в Москве, прекрасными дворцами и садами. Но самое главное, конечно, домиком Джульетты. В его дворе стоит статуя юной шекспировской героини, одна грудь которой до яркого блеска отполирована руками туристов. Кто-то придумал примету – если потрогать грудь этой романтической героини, то непременно повезет в любви. Вот и выстраиваются толпы японских туристок, чтобы прикоснуться по очереди к холодному металлу, в надежде обрести вечную любовь. И как-то забывается, что любовь-то была не только великая, но и трагическая, и закончилась быстро и плохо. Итальянцы – мастера по изобретению разного рода примет и суеверий, во многие из которых они верят сами. Некоторые же приносят им неплохой доход.

Под Падуйей, еще одним замечательным городом области Венето, находятся удивительно ровные и округлые холмы древнего вулканического происхождения. Здесь затерялся городок Арква Петрарка, затерялся настолько, что даже не обзавелся гостиницей. Зато в нем находится дом, где провел свои последние годы великий итальянский поэт Петрарка, по слухам, любивший на излете жизни гулять по зеленым склонам вулканических холмов, покрытых цветущими кустарниками боярышника. И действительно, магия места действует на путешественников, которым начинает казаться, что дорожки еще хранят следы поэта, а птицы на кустах поют те же песни, которые восхищали и его. Вот только музей разочаровывает – согласно доб-

рой итальянской традиции он закрыт в самое удобное для посещения время, так что чаще всего приходится довольствоваться видом крыши из-за забора и утешаться потом бокалом превосходного местного белого вина в кафе на площади под цветущими каштанами.

Место это очень редко посещается туристами, только уж какими-нибудь страстными почитателями таланта Петрарки, зато весьма популярно среди итальянцев. На центральной площади, рядом с церковью, где похоронен поэт, время от времени устраивают рынок, где продают местные деликатесы – мед и свежесдобитые булочки, а также изделия из дерева и металла. Жизнь идет неторопливо и степенно, трудно представить, что в этой же области расположена сумасшедшая Венеция с ее вечным праздником. И все это грани одной и той же культуры.

Фриули-Венеция Джулия (Friuli-Venezia Giulia)

Небольшая область, выходящая к Адриатическому морю. С одной стороны граничит с Австрией, с другой – со Словенией. Приграничное положение повлияло и на характер места. Город Удине радуется своей германской чистотой, Триест – славянской суматошностью. Но через все это пробивается неистребимое итальянское жизнелюбие.

Эмилия-Романья (Emilia-Romagna)

Эмилия-Романья географически завершает северную Италию, за ней начинается центральная часть страны. Положение вынуждает ее примыкать в политических дебатах к деловому Северу, но агрессии и активности здесь чувствуется меньше. Да и трудно этому району, славящемуся своими гастрономическими достижениями, отречься от общеитальянских ценностей. Парма вошла в мировые языки своим сыром – пармезаном, своеобразной гастрономической визитной карточкой страны. Славится она, уже менее широко, в пределах Италии, и своими ветчинами и колбасами, а также оскандалившейся молочной компанией Пармалат. Модена, помимо машин феррари, производит и моденский бальзамический уксус (единственно подлинный, опасайтесь подделок!) и игристое вино «Ламбурско».

Эмилия-Романья полна контрастов, она словно Италия в миниатюре. Гастрономическое пиршество, старейший в Европе Болонский университет, Римини – любимый морской курорт россиян и не только их, Равенна с ее древней историей и византийскими мозаиками. И все это в пределах одной области. Адриатическое побережье застроено довольно бесцветными и вненациональными курортами, с гигантскими гостиницами, пальмовыми променадами, песчаными пляжами с зонтиками и лежаками и многочисленными точками питания, зарабатывающими деньги на голодных отдыхающих. Странно выглядят эти места вне сезона, когда громады отелей стоят темные и пустые, ждущие своего открытия и бесчисленных толп летом. В городах остаются только немногочисленные местные жители, позволяющие себе быть щедрыми и гостеприимными к случайно забредшим одиноким путникам.

Равенна – бывшая столица Западной Римской империи, хранительница уникальных древних мозаик. «Ты как младенец спишь, Равенна, у сонной вечности в руках», – писал наш Александр Блок. Увы, сон Равенны закончился. Орды туристов осаждают ее памятники, не давая ни жить, ни спать никому кругом. Причем самые многочисленные относятся к наиболее страшной категории экскурсантов – это итальянские школьники. С альбомами и карандашами они врываются в старинные памятники с оглушительными криками, под оглушительное же шиканье их учителей. Удобно расположившись на полу, они, радостно переговариваясь, слушают громогласную речь своих наставников. Конечно, зрелище это весьма отраднo – итальянцы с ранних лет приобщаются к прекрасному, но, к сожалению, это лишает возможности и других сделать то же самое.

Но, как и во всех итальянских городах, один шаг в сторону от знаменитых достопримечательностей приводит вас в совершенно другой мир – покоя и размеренности, быстрого кофе на ходу и неспешных обедов, радостного живого общения и древней, местами дряхлой, истории. Так, поиски усыпальницы великого Данте, навещаемой в основном итальянцами, в той же Равенне проходят по совсем иным районам, чем посещение знаменитых византийских базилик.

С останками Данте произошла вполне итальянская история. Изгнанный из Флоренции поэт умер в 1321 году и был похоронен в Равенне, приютившей его в последние годы жизни. Через некоторое время Флоренция, всегда заботившаяся о своих знаменитых соотечественниках после их смерти, когда они уже ничем не угрожали ее спокойствию, а только служили прославлению, потребовала вернуть тело Данте на его историческую родину. Требования год от года приобретали все более угрожающий характер и, в конце концов, получили поддержку папы римского. Жители Равенны не могли более сопротивляться и в 1519 году вскрыли гробницу, которая оказалась пуста. Так и осталось тайной, что случилось с телом Данте – украли его или спрятали или просто потеряли в суматохе.

Но вот наступила совершенно иная эпоха – объединение Италии и возрождение национального самосознания. В этих условиях национальные герои и символы приобрели крайне важное значение. И тут как раз в аккурат к 600-летию юбилею поэта в Равенне обнаруживают какое-то неизвестное тело в заколоченном ящике, с очень к месту вложенной табличкой, сообщающей, что это останки великого Данте. Конечно, была проведена экспертиза, подтвердившая, что это именно потерянный Данте, впрочем, трудно вспомнить случай, чтобы подобные исследования хоть раз опровергли подлинность каких-либо останков, особенно в важное для страны время. Мистификации между тем продолжались: в семейных архивах и государственных библиотеках стали находить частицы тела Данте, хранившиеся якобы как реликвии. А в 1944 году поэта вновь спрятали – на этот раз итальянские партизаны от немцев. Так что теперь в Италии есть гробница во Флоренции, где мог быть похоронен Данте, гробница в Равенне, где находятся найденные останки, гробница на местном кладбище, где прятали тело во время войны, отдельные фрагменты в личном пользовании. И совершенно неизвестно, закончилась ли эта история или посмертные блуждания великого итальянца еще продолжатся.

Тоскана (Toscana)

Именно Тоскану нередко считают настоящей Италией. Здесь есть все, к чему стремится душа в этой стране: богатая история, древние города, шедевры искусства, красивейшие пейзажи, громкие имена и названия, которые у всех на слуху. И это, не говоря о лучшем вине, превосходной местной кухне и разветвленной сети гостиниц, уже не одно столетие принимающих путешественников. Иногда даже кажется, что в Тоскане всего слишком много. Здесь трудно сосредоточиться на итальянской жизни, так много шедевров тебя окружает. Но именно здесь подлинная итальянская жизнь бьет ключом.

Главным местом паломничества в регионе справедливо является Флоренция. В ней все поражает и впечатляет: знаменитый собор с гигантским куполом Брунеллески, словно зажатый средневековыми улочками (рассмотреть его можно только сверху, с противоположной стороны Арно), Палаццо Веккьо, галерея Уффици, Понте Веккьо, Палаццо Питти – всех шедевров Флоренции и не перечислишь.

К сожалению, такое скопление шедевров в одном городе, а вернее в центре одного города, неизбежно привело к тому, что в пик сезона (а он здесь достаточно продолжителен) во Флоренции в буквальном смысле слова нельзя протолкнуться. Толпы туристов везде – в музеях, в кафе, на улицах, в магазинах сувениров, от них нет спасения. А если к этому еще добавить и

жару, которая нередко случается здесь в разгар сезона, то есть летом, то хуже места на Земле себе трудно представить. Какая уж тут местная жизнь, речь идет об элементарном выживании.

Другое дело – дождливый ноябрьский день. Здесь вы можете увидеть совершенно иной город. Нет, туристы все равно будут, в этом городе не бывает мертвого сезона, но они будут восприниматься как друзья, так же как вы открывающие для себя этот прекрасный город.

Историческим антагонистом Флоренции и ныне вторым по скоплению шедевров городом Тосканы является Сиена. Многим она нравится больше: и народу здесь поменьше, и суматохи, и улочки сохранились лучше в своей первозданной старине, и торговцы не такие наглые и избалованные туристами. Собор, хотя и совершенно другой, но впечатляет не меньше, а центральная круглая площадь со старинными зданиями просто поражает воображение. Искусства же здесь, как, впрочем, и везде в Италии, вполне хватает. Сиенские мадонны четырнадцатого века темны ликом и печальны. Сиенцы гордятся тем, что их школа живописи стала основой для многих других, по их мнению, и для флорентийской.

И Флоренция, и Сиена, при всем их величии и богатстве памятников, приближаются к идеальному месту для туристов, становясь своего рода музеями под открытым небом. Живая повседневная жизнь в них настолько глубоко запрятана – в неброских барах и кафе, которые не посещают иностранцы, на не слишком привлекательных улицах в глубине города, в простых магазинах и рынках, – что подсмотреть ее можно только случайно и чудом. Но Тоскана – это еще и царство небольших городков, разбросанных по знаменитым и действительно прекрасным тосканским холмам. Эти места сочетают в себе и древнюю историю, и знаменитые памятники искусства, и современную культуру, и традиционный образ жизни.

Есть среди них исполины, подобные Сан-Джиминьяно, который единственный из тосканских городов сохранил свои гигантские средневековые башни. Когда-то каждый уважающий себя состоятельный и влиятельный тосканец строил себе такую башню – чем выше, тем больше завидовал сосед. Потом, в новых исторических условиях, они были все разрушены, а в Сан-Джиминьяно частично уцелели, и каждый, подъезжающий к этому городу сегодня, так же удивляется его странному силуэту, как и путешественники прошлых эпох.

Кажется, что здесь ничто не изменилось, века не тронули это место. А вместе с тем здесь течет обычная жизнь – посетители сидят на площади за столиками и с любопытством рассматривают прохожих, даже туристы вызывают их пристальное внимание, давая новый повод для обсуждений. В ресторанах и трагториях подают блюда с традиционной тосканской фасолью, а к вечеру смолкают гвалт и суматоха и город засыпает. Узкие каменные улицы заглушают малейшие звуки, и появляется ощущение какой-то оглушающей тишины, а несчастным путникам, ночующим в средневековых гостиницах, начинают мерещиться духи людей, живших и умиравших здесь веками.

Совсем другие чувства навевают два винодельческих городка Тосканы – Монтепульчано и Монтальчино. Оба лепятся к высоким холмам, поросшим виноградниками, оба славятся своими винами, которые они, и не без основания, считают лучшими в Италии, оба обзавелись и старинными площадями с соборами, и предметами искусства. Естественно, большинство сидящих на площади пьют местные вина, что сказывается на некоторой общей приподнятости настроения и жителей и посетителей этих мест.

Холмы скрывают и другие жемчужины городской жизни, порой совсем обделенные вниманием туристов. Чтобы перечислить их все, нужно составлять отдельный путеводитель. Здесь и шумная Лукка со знаменитыми соборами и круглым древнеримским домом, в котором до сих пор живут люди. И Пиенца – «идеальный» город, построенный родившимся здесь в 1405 г. папой Пием II, решившим осуществить в родном городе свои честолюбивые замыслы, но не сумевшим найти экономного архитектора. В результате деньги были израсходованы задолго до окончания работ. Город с тех пор как бы замер и сумел сохранить свою неприкосновенность: здесь снимали знаменитый фильм Франко Дзеффирелли «Ромео и Джульетта» и производят

роскошный сыр «Пекорино». Это и Чертальдо, город, где жил Боккаччо, молчаливо возвышающийся над окрестными холмами и чей безмятежный сон тревожат лишь малочисленные неугомонные немецкие туристы. Это и Винчи, рядом с которым в густой оливковой роще на холме прячется домик, в котором родился великий Леонардо. Нельзя забыть и городки района Кьянти, где самое известное вино Италии определяет ход жизни.

Каждый из них, при всем разнообразии, живет вполне размеренной и схожей жизнью. В выходные утром все идут в церковь – это повод себя показать, людей посмотреть, потом сидят или стоят на площади, обсуждая последние очень важные новости. Вечером вновь собираются на вечернюю прогулку, называемую «пасседжата» – *la passeggiata*. Надевают лучшие наряды и радуются друг другу так, как будто не виделись в этот день утром в церкви и пару раз днем в баре. Эдакая итальянская идиллия, скрывающая южные страсти и превращающая их в своеобразное продолжение общего радостного и приятного действия.

Умбрия (Umbria)

Умбрию нередко называют младшей сестрой Тосканы. Она действительно не уступает ей ни в красоте, ни в обилии памятников культуры и искусства, ни в современной яркой и самобытной жизни. А умбрийская кухня, по мнению знатоков, даже и превосходит тосканскую, хотя местные вина и уступают в тонкости. Регион этот, как и Тоскана, был заселен в глубокой древности загадочными этрусками, которых покорили и поглотили римляне, во многом заимствовав достижения этрусской цивилизации. До нас от нее дошли в основном городские укрепления и надгробные памятники. И те и другие в изобилии встречаются в Умбрии.

Умбрия во многом похожа на граничащую с ней Тоскану, но ее отличает некая большая дикость, первозданность. Тоскана утонченнее, изысканнее. В Умбрии тоже холмы – но выше, перерастают в горы и покрыты густыми лесами. И лица жителей похожи на умбрийские фрески и картины – дикие и косматые, темные и узкоглазые. Умбрия – единственная область Италии, не имеющая выхода к морю, может быть, поэтому ей не хватает простора и открытости. А может дело в том, что в умбрийских лесах водится много диких кабанов, раньше их называли еще более красиво – вепрь, и все умбрийцы немного охотники. Дикая кабанина – местное фирменное блюдо и деликатес.

Умбрийские города – квинтэссенция итальянской жизни. Вечерние прогулки тут совершаются с особым рвением. Еда готовится с особой страстью. Карабинеры здесь особенно нарядны и знают всех жителей своего города: для каждого у них готов совет, указание, рекомендация. Город Орвьето, основанный этрусками, владеет роскошным собором в самом центре, прекрасными фресками Луки Синьорелли, изумительным местоположением на вершине высокого холма (как и большинство городов Умбрии), знаменитым белым вином, изысканной кухней и красивейшей керамикой. Ассизи – город, славный именем Франциска Ассизского и фресками Джотто, центр паломничества. Монтефалько, буквально «соколиная гора», поражает видами Умбрии. Архитектурным чудом является город Сполето, с его центральной площадью, собором и гигантским мостом как из волшебной сказки.

Здесь есть и совсем малоизвестные места, такие, как Треви, считающий себя центром производства лучшего оливкового масла в Италии (с чем, впрочем, не согласятся многие другие регионы). Но музей с гордым названием «Оливковое масло – основа древнейших цивилизаций» действительно есть только здесь. Так же как и фантастически свежее оливковое масло в любой самой дешевой траттории. Наконец, в густых лесах и среди высоких холмов скрывается Норча, гастрономический центр региона, где каждое блюдо – произведение искусства. Здесь, вдали от туристических маршрутов, течет неспешная, очень вкусная итальянская жизнь, полная событий и радостей местного масштаба.

Марке (Marche)

Район этот находится в столь знаменитом окружении – Эмилия-Романья, Тоскана, Умбрия, что совершенно потерян для туризма. Единственное, что делает его немного знаменитым, так это тот факт, что на его территории находится столь любимая россиянами независимая республика Сан-Марино. Даже надписи в этом крошечном свободном государстве сделаны преимущественно по-русски, и жители точно знают, как сказать «Настоящая кожа!», «Дешево!» почти без акцента. Сама же область вытянута вдоль Адриатического побережья, заполненного теми же бесцветными отелями, что и другие районы, выходящие к Адриатике.

Гораздо интереснее становится местность, если углубиться в Апеннинские горы, проходящие по этому региону. Когда-то, еще до римлян, здесь проживало загадочное племя пиченов, от которых осталось название крупного, немного таинственного, горного города Асколи Пичено. Удивительно красива природа здешних мест – в горах ранним летом цветут яркие цветы, создавая прекрасные пестрые, хотя и недолговечные картины.

Лацио (Lazio)

Лацио – это прежде всего Рим, а Рим – это рубеж, граница времени и пространства. Между более деловым и спокойным Севером и вальяжным и эмоциональным Югом, между прошлой жизнью, в которой царствует античность, и днем сегодняшним. В истории хорошо известны случаи, когда путешественники в буквальном смысле влюблялись в этот город, как в женщину. Ярчайший пример – великий русский писатель Н. В. Гоголь, писавший восторженные признания в любви Италии вообще, а Риму в особенности: «Наконец я вырвался. Если бы вы знали, с какою радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию. Она моя! Никто в мире ее не отнимет у меня! Я родился здесь» (из письма В. А. Жуковскому, 1837 год).

Помимо этого Рим является центром страны, политическим, географическим и духовным. Здесь расположен Ватикан с папой и католичеством. Пусть он и считается самостоятельным, независимым, со своей декоративной армией, но паломники толпами стекаются именно в Рим. Именно Рим снабжает их крышей, хлебом, зрелищами и религиозными сувенирами всех видов от подлинных произведений искусства до аляповатых ночников в виде мадонны с младенцем.

Античная эпоха довлеет над всей территорией области. Ее особенность в этих местах заключается в том, что здесь она становится живой и осязаемой, совершенно реальной. Древние руины Рима, античный город Остия недалеко от побережья, вилла Адриана – это не просто памятники времен, так давно ушедших, что ставших мифом, легендой. Нет, здесь начинаешь чувствовать, что все эти люди работали, чувствовали, веселились, занимались спортом, ходили к друзьям, любили и умирали. То есть действительно жили обычной жизнью, не слишком сильно отличавшейся от современной. В Остии сохранилось угловое кафе, таких, если верить исследователям, раньше было много – столько же, сколько баров на душу населения в современной Италии. На стенах нарисованы рекламы товаров, за прилавком в землю вделаны гигантские сосуды, во внутреннем дворике, в тени, стоят каменные лавки и столы. Да и пили тут, судя по всему, то же прохладное белое вино, что и сегодня подают в trattoriaх Лацио.

Кампания (Campania)

В Кампании начинается южное сумасшествие, но еще при сохранении некоторого европейского лоска и «западности». Даже русский человек, оказавшийся за рулем автомобиля на дорогах Неаполя, испытывает некоторый шок. Трудно представить, что должны чувствовать англичане или немцы. Все едут, кто куда хочет, не соблюдая никаких правил, в том числе не останавливаясь на красный свет светофора. Все сигналият, машут руками и всячески дают понять, что если не умеешь водить как следует, то нечего и садиться за руль. Машины битые, с мятыми боками и оборванными бамперами, словно вышедшие из какого-то бесконечного сражения. Словом, русскому человеку даже приятно: оказывается, в Москве еще прилично водят!

Русские издавна любили здешние края. Яркое небо, ослепительное солнце и горьковское «смеющееся» море, вот что такое Кампания. Здесь находится любимый Горьким остров Капри. Вообще климат региона считался целебным, и сюда стекались толпы страждущих исцелить чахотку, заболевания дыхательных путей, так же как сердечные и душевные раны. Италия считалась незаменимым лекарственным средством в последнем случае.

Близки русскому духу и прекрасные неаполитанские песни. Трудно представить, но где-нибудь в далекой архангельской деревне после жаркой баньки и порции хорошего самогона на клюкве разноголосый хор местных бабок затягивает «Санту Лючию». Нет места менее похожего на жаркую и солнечную Кампанию, но ее щемящие мотивы близки русскому духу.

Местные жители страшные патриоты своих мест. Вот уж где итальянская «местечковость» цветет буйным цветом. Италия, безусловно, лучшая страна в мире, Кампания – лучшая область в Италии, Неаполь – просто самый прекрасный город во вселенной, а жить лучше всего в том конкретном районе Неаполя, где тебе посчастливилось родиться.

Гете, проживший здесь некоторое время, называл патриотизм неаполитанцев «диким и детским». Однажды, когда этот великий немецкий поэт в сопровождении местного жителя поднялся на высоту, чтобы сверху осмотреть город и окрестное море, его чувства были возмущены и шокированы тем «омерзительным пением, – скорее криком восторга или радостным воем», который испустил паренек. На возмущение Гете провожатый просто ответил: «Простите, синьор! Ведь это моя родина!»

Здесь все ярко и преувеличенно, все играют свои роли с самозабвением и серьезностью. Иногда кажется, что произошла некоторая путаница, ошибка и люди вынуждены временно заняться чем-то им несвойственным. Официанты в рыбном ресторане прибрежного городка Амальфи похожи на флибустьеров, пиратов, которых жизненные обстоятельства ненадолго заставили поступить на мирную службу. Церковный хор в соборе того же городка как будто состоит из грозных мафиози (как знать!). Гостиницы, трактиры и сувенирные магазины предназначены не для выкачивания денег из многочисленных туристов, а для утверждения чувства собственного достоинства хозяев.

Апулия, Абруцци, Молизе (Puglia, Abruzzo, Molise)

Здесь уже мир Юга во всей его красе, несмотря на то, что географически эти регионы частично относятся к центральной Италии. Царство солнца, безлюдных пространств, южных растений, пустынных горизонтов. Полное внешнее отсутствие закона и порядка, при очень жестком выполнении внутренних неписаных правил. Иногда туристам здесь становится неуютно. Вот идет прекрасная, высокого европейского уровня автострада, с цивилизованными заправками, кафе, магазинами. Вот вы свернули, по ошибке или случайно, и оказались на обычной местной бензоколонке. Подозрительные лица, как будто вышедшие из криминальных фильмов об итальянской жизни, все проезжают без очереди, как кажется обывателю-ино-

странцу, на самом деле соблюдая какой-то свой особый порядок; все обшарпанное, ободранное, туалет – будка на улице, в которую страшно зайти. Словом, хочется назад, на родную космополитичную автостраду, к таким же, как ты сам, глупым туристам.

Если вы вечером едете по автостраде с севера на юг по восточному побережью, то посреди общего мрака с правой стороны вдруг начинают гореть огни крупного города – это Фоджа. Радует сердце загрустившего в южной темноте туриста, и совершенно напрасно: город живет своей напряженной жизнью, и его не волнуют чувства убогих чужестранцев. Здесь «Гранд отель» не только не «гранд», но даже не очень-то и «отель», скорее приют контрабандистов или еще кого-нибудь. Здесь полночи воеет сигнализация, так как кто-то грабит магазин, а остальные полночи воеет сирена полицейской машины, приехавшей аккурат после того, как грабители скрылись (так и слышишь воображаемый разговор по рации: «Марио, Марио, мы отъезжаем, можете действовать!» – «Тебя понял, Джузеппе, выезжаем на место»). А утром соседки обсуждают события, оживленно перекрикиваясь с балкона на балкон, а их мужья молча и задумчиво курят утренние сигареты.

Город Бари весь живет на улице. То есть вся Италия живет в основном на улице, но здесь это доведено до абсолюта. Дети галдят и играют на тротуарах, старушки в черном сидят на лавочках на узких улочках, соседи ходят из дома в дом, как из комнаты в комнату, перенося накрытые полотенцем дымящиеся тарелки. Двери в дома открыты, только занавешены от посторонних глаз и жары марлевыми занавесками, через которые видны иконки с горящими лампадами и фигуры людей, сидящих за столом. Все это неуловимо напоминает жизнь кавказских городов, во всяком случае до распада Советского Союза.

У русского человека здесь возникает неожиданная лингвистическая сложность. Представьте себе, звоните вы домой и говорите: «А мы в Бари! Тут очень хорошо». А вам бесчувственно отвечают: «Ну мы поняли, что вам хорошо в баре, а город-то какой?» Вы сердитесь и кричите, что вы в Бари, что здесь все просто здорово, а вас спрашивают, сколько же вы выпили, если не помните название города.

Бари – очень живой город, крупный порт, экономический и политический центр региона, важное место паломничества. Здесь расположена церковь Святого Николая, в которой находятся его мощи. Святой Николай особо чтится православной церковью. Для Запада же он, прежде всего, Санта-Клаус, приносящий рождественские подарки. Поэтому его собор никогда не пустует.

Недалеко от Бари находится приморский город Трани, основанный еще в античную эпоху. Здесь на набережной торгуют свежельвленной рыбой и морепродуктами. Здесь на каждом балконе, выходящем на улицу, стоят молчаливые наблюдатели – пожилые женщины в черном, внимательно изучающие все, что происходит вокруг, и выдающие свое присутствие только переговорами друг с другом и со знакомыми прохожими. Здесь огромная романская церковь, возвышающаяся над городом. Здесь действует маленькое местное общество «моржей», купающихся (трудно представить!) в мае в страшный, по местным меркам, холод – при температуре 25 градусов тепла.

В этой местности много странных вещей, которые здесь кажутся совершенно нормальными. Например, доисторические круглые загадочные жилища, которые до сих пор обитаемы. Никто точно не знает, сколько веков и даже тысячелетий строят эти здания и почему они имеют такую форму, но здесь они реальность. Здесь в первой половине XIII века жил германский император Фридрих II, который так полюбил эти места, что предпочитал никуда отсюда не выезжать. Человек очень образованный, ученый и книжник, он также прославился как алхимик и чародей. После него остались странные замки, один из которых, очень ровный и симметричный по форме, со странными круглыми башнями, слишком сложен для обороны и совершенно непонятен по своему назначению.

Словом, это очень странный, временами пугающий мир. Но он очень живой, яркий, волнующий и ни на что не похожий. Может быть, поэтому сюда хочется возвращаться.

Калабрия и Базиликата (Calabria и Basilicata)

Эти дикие до совсем недавнего времени районы находятся на юго-западе полуострова. Всего несколько лет назад здесь свирепствовала малярия, а жители имели достаточно мрачный вид, что и было понятно, учитывая неприветливость региона. Во всяком случае, так воспринимали здешние места случайно забредшие путешественники. Считается, что сейчас ситуация сильно изменилась, во всяком случае с малярией точно покончено. Местом массового паломничества эти края пока не стали, хотя местные пляжи усиленно рекламируются. Здесь царство Юга, того самого, от которого так хочет избавиться Север.

Сицилия (Sicilia)

Сицилия – совершенно особый мир. Все знают, что здесь живет мафия, что здесь время от времени просыпается вулкан Этна, что здесь очень жарко и очень красиво. В этих местах сложилась неповторимая удивительная культура: обилие завоевателей, каждый из которых не просто покорял местных жителей, но и непременно хотел поселиться и пожить здесь сам со своими лучшими людьми, привело к сложному смешению кровей, традиций, вкусов и обычаев. Римляне, греки, арабы, норманны, германцы, итальянцы, испанцы, французы – все внесли свою лепту в создание неповторимого колорита здешних мест.

Большой знаток и любитель Италии Гете утверждал, что «Италия без Сицилии не оставляет в душе никакого образа: только здесь ключ ко всему». И хотя рассказами о здешних местах и знаменитой сицилийской мафии иногда по-прежнему пугают детей, последнее время сюда все нарастает поток туристов, стремящихся к древней культуре, теплему солнцу, вкусному вину и превосходным оливкам.

Сардиния (Sardegna)

Остров, находящийся несколько в стороне (и в буквальном смысле) от общего течения. До недавнего времени он был мало знаком широкой, в том числе и итальянской, публике. Население его, как это ни странно для острова, занимается скотоводством, живет в горах и ничего общего не хочет иметь с морем, так что морепродукты здесь практически исключены из традиционного рациона. В последние десятилетия на острове стал активно развиваться туризм и отдых, настроили отелей и курортов, песчаные пляжи и голубое море активно рекламируются в прессе. Но курортная жизнь, как и везде, создала свои традиции, имеющие мало общего с традициями коренных жителей.

Все это разнообразие регионов не мешает итальянской жизни протекать в едином национальном русле. Ошибочно думать, что есть какое-то определенное место, где больше итальянского, чем в других районах, или что надо непременно посетить все места. Несмотря на отдельные различия в поведении, языке и традициях, сохраняется некая общность, позволяющая почувствовать Италию в любом из вышеозначенных мест.

Связь с историей

Среди исследователей итальянской жизни и характера по сей день крайне распространенными являются рассуждения об отсутствии какого-либо права современных итальянцев считать себя наследниками античной, а иногда даже и средневековой культуры. Сам факт их проживания на древней земле называли и продолжают называть случайностью и недоразумением. Известный художественный критик и поклонник итальянского искусства П. П. Муратов считал, что Венецианский карнавал «только пир чужих людей на покинутом хозяевами месте». Русский путешественник середины XIX века утверждал, что важнейшей особенностью Италии является ее «народонаселение, которое живет на местах древних римлян, не имея ни малейшего права назвать их своими предками, точно как в забытом дворце управитель помещается в самых комнатах владельца...». Да и сами итальянцы V веком заканчивают «Историю Рима», а «Историю итальянского народа» начинают не раньше XI века. «Темные» пять веков являются достаточной преградой, по мнению многих, на пути преемственности традиций и культуры.

Возможно, все это по-своему верно и справедливо. Может быть, современные итальянцы и не являются прямыми потомками древних римлян. Но, вне всякого сомнения, они их прямые наследники. Историческая преемственность и связь с прошлым здесь очевидны. Современные итальянцы не просто живут на древней земле, что само по себе оказывает бесспорное влияние на характер народа, но и впитали вместе с воздухом, водой и солнцем дух ушедших эпох. Современные итальянские города в большинстве своем находятся на месте древнеримских или еще более древних поселений, жители страны до сих пор пользуются дорогами, проложенными еще в древности, бережно сохраняя их названия: Аппиева, Кассиева и другие. В прошлое уходят корнями и многие особенности и методы ведения хозяйства.

Да и так уж ли совсем ничего общего нет у древних римлян и современных итальянцев? Взять те же дороги. Хорошо известна древнеримская любовь к прокладке дорог. Достаточно посмотреть на дороги на карте, скажем, Англии: все они извилистые и выющиеся, даже автострады. И вдруг отрезок прямой и совершенно ровный, как начерченный по линейке. Читаем – «римская дорога», то есть проложенная завоевателями римлянами много веков назад. С другой стороны, дороги современной Италии тоже поражают воображение. Они пересекают страну вдоль и поперек, причем в Италии 70 % регионов – горные, а дороги спрямлены, где только возможно.

Вот, например, долина Аосты. Сколько шумихи вокруг выходящего в нее одиннадцатикилометрового тоннеля под Монбланом, сколько блеска и мишуры! Но потом много километров, в общей сложности гораздо больше чем знаменитые 11 километров, идут сплошные тоннели, делающие эту дорогу в горах почти прямой. Причем какие тоннели! Не дыры в горе, слабоосвещенные и с необработанными стенами, как, например, иногда в Норвегии (которой, впрочем, справедливости ради отметим, тоже есть чем гордиться в этом вопросе, но это уже другая тема). Итальянские же тоннели ярко освещены, покрыты светлыми плитами, везде яркая четкая разметка и всякие приспособления для безопасности, вроде огнетушителей и аварийных телефонов.

А знаменитое римское «хлеба и зрелищ»? Разве сегодня не обвиняют итальянцев, что их интересуют только развлечения, футбол и еда? А театрализованные представления, в которых и римляне, и итальянцы большие мастера? Да и в удовольствии, простом, житейском, римляне явно знали толк. Достаточно только посмотреть, какое количество бань они понастроили по всей Европе, уж, наверное, не для того, чтобы там работать. Так почему же всегда говорят о трудолюбии римлян и лениности итальянцев? Последние тоже для своего удовольствия сил не жалеют. Можно, в конце концов, вспомнить римские водопроводы и современную, знаменитую на весь мир итальянскую сантехнику.

А разветвленная римская бюрократическая система? Не в ней ли корни современной ситуации в Италии, печально знаменитой на весь мир своими чиновниками. В известном французском комиксе, по которому были сняты замечательные мультфильмы, герои – галл Астерикс со своим другом Обеликсом – ходят по бесконечным коридорам и этажам какого-то загадочного древнеримского учреждения, пытаются выбить себе бессмысленную справку 33-бис с печатью. Все это, конечно, срисовано с современного итальянского министерства или ведомства. А почему бы и нет? Кто сказал, что все римляне были красивы и совершенны, как античные статуи? Может, они только хотели, чтобы так о них думали потомки? Итальянцы тоже большие мастера пускать пыль в глаза.

Не так уж много народов из тех, кто считает себя прямыми потомками древнейших племен, могут похвастаться подобным сходством. Да и где они, эти чистые расы, кроме как в речах отдельных политиков и трудах отдельных философов? Европейские народы давно уже представляют каждый свою особую смесь, некий генетический коктейль, состоящий из самых разных составных частей. Даже те, кто, подобно исландцам, много веков живут на удаленном острове достаточно замкнутой жизнью, подвержены разного рода этническим влияниям. Жизнь и смешанные браки очень трудно остановить даже жесткими государственными мерами. Что же говорить об итальянцах, исторически находившихся на пути всех европейских завоеваний и туристических маршрутов!

Характерно, что на земле Италии издревле отсутствовало стремление к расовому снобизму или чистоте крови. Согласно легенде, начало римской цивилизации было положено троянцем Энеем, бежавшим со своими спутниками из побежденной Трои и мечтавшим о возрождении былого величия своего родного города на новом месте, на земле Италии. Странствия, злоключения и подвиги Энея были записаны в I веке до н. э. римлянином Вергилием в его знаменитой «Энеиде», видимо, на основании дошедших до его времени легенд и сказаний. Сегодня, правда, немногие могут похвастать, подобно «малообразованному» Онегину, тем, что помнят, «хоть не без греха, из Энеиды два стиха». Несмотря на это, «Энеида» остается величайшим произведением античной литературы, и не случайно великий итальянец Данте взял себе в проводники по царству мертвых именно прозорливого Вергилия.

Так вот, согласно легендам, в результате странствий и скитаний Эней достигает долгожданного и обещанного ему богами берега Италии, который к этому времени уже заселен живущими бок о бок различными племенами – этрусками, латинами, сабинянами, вольсками, умбрами и многими другими. После неизбежных военных столкновений между пришельцами, которых поддерживает часть племен, и остальными местными жителями войска Энея одерживают победу, наступает мир, а троянец Эней женится на дочери царя латинов Лавинии.

Таким образом, согласно легенде, основание новому государству положил пришелец извне, что, впрочем, нередко встречается в легендах об основании государств. Достаточно вспомнить нашего Рюрика, которого, правда, славянские племена сами добровольно призвали. Эней же, в силу особенностей римского государства, должен был в бою доказать свое право на столь почетное место в истории, в прямом смысле – завоевать его. Строительство же новой жизни, приведшее к основанию великого Рима, с самого начала становится возможным только при взаимодействии различных племен и народов.

Еще характернее с этой «многонациональной» точки зрения легенда о непосредственном основании Рима. Ромул и Рем, близнецы, потомки законного правителя, похищенные во младенчестве и спасенные вскормившей их волчицей, выросли и сначала возглавили местных разбойников, а потом стали основателями города на холмах. Принято считать, что произошло это в 753 году до н. э. Борьба за главенство, за власть привела к братоубийству: победитель Ромул дал свое имя новому городу, которому предстояло стать «вечным». Это та часть легенды, которая хорошо известна и вполне вписывается в распространенные в истории сказания об основаниях великих городов. На семи холмах и «на крови» возникает Константинополь, и «третий

Рим» – Москва насчитала много позже свои семь холмов и даже отыскала кровь невинной жертвы – князя Даниила, якобы убитого боярами Кучковичами.

Новый город на Тибре, история которого началась с братоубийства, получил имя, царя, холмы. Надо было собирать население. И тогда Ромул призвал в город всех, кто по каким-то причинам не мог или не хотел жить в своих родных краях. Это привело к тому, что в Рим стали стекаться люди самого разного рода и племени, как в прямом, так и переносном смысле. Изгнанники, искатели приключений, разбойники и преступники, просто недовольные жизнью – таковы были первые жители великого города, если верить легенде.

Для продолжения римского рода и естественного роста населения всему этому сброду были нужны жены – из приличных и добропорядочных семейств. Ромул и здесь нашел простой и «легендарный выход». Устроил пир на весь мир и пригласил на него соседнее племя сабинян, которые до этого воротили нос от столь недостойных соседей, но на бесплатное угощение согласились. Во время пира произошло знаменитое похищение сабинянок, давшее новому городу матрон и потомство, а многим поколениям художников сюжет для картин.

Не столь важно, что в этих легендах правда, а что вымысел, главное то, что именно так римляне **хотели** видеть начало своего города и государства. Мужественных, бесстрашных основателей: явных чужеземцев, как Эней, или с сомнительной биографией, как Ромул и Рем. Кровопролитное сражение с врагами, даже если это и подлое братоубийство – для высокой цели все средства хороши. Честных плодовитых жен, даже полученных путем обмана. Наконец, жителей, принадлежащих к самым разным племенам и народностям, самым разным социальным группам, самого разного происхождения, даже если они и не отмечены слишком большими достоинствами и высокими моральными качествами. Зато они легко переплавлялись в единую массу, ставшую новым, римским народом.

Подлинная, документированная история также показала, что римский народ, прежде чем достиг своего исторического величия, впитал в себя множество племен и народов, населявших Италию или приходивших в нее как завоеватели. Не уничтожение чужаков, а ассимиляция, не сохранение чистоты породы, а разнообразие и многообразие кровей создали римский народ. Итальянцы в этом вопросе также продолжили древнеримскую традицию, нередко «поглощая» пришельцев, впитывая их в свою культуру.

Древнеримское наследие, благодаря своему блеску, пышности и величию, прежде всего связывается в нашем сознании с предысторией Италии. Но, как было сказано, были и другие, до Рима, жившие на этой древней земле, поглощенные римлянами, но оставившие свой след в истории страны и наложившие свой отпечаток на те регионы, где они проживали. Не зная их, трудно понять душу Италии и особенности итальянской жизни.

По отношению ко всем этим разнообразным народам лучше всего подходит эпитет «загадочный». Загадочно их происхождение, неизвестны особенности жизни и быта, таинственна история. Самые известные и лучше всего изученные среди них – загадочные же этруски. Откуда они пришли – неизвестно. Существует множество концепций на этот счет: одни, доверяя Геродоту, считают их выходцами из Лидии, покинувшими ее еще в период, предшествовавший падению Трои. Другие, вслед за Дионисием Геликарнасским, предполагают, что этруски – коренные жители полуострова и всегда жили на земле Италии. Третьи доказывают, что они пришли с севера и подтверждают это археологическими данными. У нас в стране в определенных кругах популярна концепция о связи древних этрусков со славянами, на что, прежде всего намекает созвучие «этруски» – «русски».

Язык этрусков, дошедший до нас в основном в виде надгробных надписей, не слишком помогает исследователям, так как не похож ни на один из известных. Впрочем расшифрован и понят он не до конца, так что здесь еще есть возможности для открытий и сенсаций. Так, один из наших отечественных исследователей прочитал надписи этрусков при помощи... зер-

кала (все надписи, действительно, написаны справа налево и похожи на зеркальные). Надо ли упоминать, что язык оказался древнерусским...

Достоверно известно, что на рубеже IX–VIII веков до н. э. этруски (греки называли их *тиррены*, сами они себя *расены*, кроме этого существовало имя *туски* или *тоски* – отсюда и название самой популярной среди туристов области Тосканы) жили на Апеннинском полуострове и имели уже довольно развитую цивилизацию. Занимали они обширную территорию в центре полуострова, охватывавшую современные Тоскану, Лацио, часть Умбрии. Они имели развитое сельское хозяйство, делали вино и оливковое масло, изменяли русла рек, торговали со всем Средиземноморьем.

Этруски были набожны, почитали предков, верили в гадания, но любили и повеселиться. Найденные скульптуры, терракоты, надгробные изваяния и фрески изображают как различных богов, так и многочисленные сцены застолий, судя по которым прием пищи в Этрурии сопровождался развлечениями, представлениями и музыкой.

Строили свои города этруски, как правило, на вершинах высоких холмов. Дошедшие до наших дней, они и сегодня удивляют своим величием: создается впечатление, что город в буквальном смысле вырастает из скалы, трудно отличить, где кончается творение природы, а где начинается дело рук человека. Сами скалы часто изрыты сложными катакомбами, в которых располагаются захоронения, возможно, раньше эти подземные лабиринты служили и еще каким-то целям.

Этруская культура неразрывно сплелась с культурой римской, во многом стала ее основой. Боги, методы ведения хозяйства, обычаи, обряды и образ жизни – многое было заимствовано римлянами у этрусков. Долгое время, когда этруски были уже ассимилированы и стали частью великого Рима, римские патриции гордились своим этруским происхождением. Еще в I веке до нашей эры поэт Вергилий с гордостью подчеркивал свое этруское происхождение, так же как и его знаменитый покровитель Меценат.

Солнечная и радостная этрусская цивилизация передала свою любовь к свету и жизни своим наследникам римлянам, а те, в свою очередь, поделились ими со своими наследниками – итальянцами. А этруские области – Тоскана и Лацио – так, кажется, и впитали радость и полноту жизни.

Города, основанные этрусками много веков назад, живут и здравствуют и поныне. Несмотря на активную средневековую градостроительную деятельность, их древний облик различим и сегодня. Прежде всего, благодаря своему расположению – на высоком холме. Кое-где сохранились остатки крепостных стен, а также многочисленные этруские захоронения – главные сохранившиеся свидетельства этой когда-то полной любви к жизни цивилизации. Вольтера, Перуджа, Тарквиния, Кортон, Орвьето, Тоди и многие другие знаменитые города Италии были основаны этрусками.

Этрусский характер древнего города Орвьето лучше всего ощущается, когда смотришь на него со стороны. Столь же древняя, как и город, дорога, ведущая к озеру Больсено, поднимается на соседний холм, и весь город предстает, как на ладони, как будто парит в воздухе, вырастая из скалы, которая во многих местах оказывается рукотворной. Сегодня Орвьето – перевалочный пункт между Флоренцией и Римом, где туристы останавливаются переночевать или перекусить. Рим вышел победителем в споре цивилизаций, и Орвьето остается лишь скромной остановкой перед знакомством с великим городом.

Кьюзи, тихий сонный городок, как и другие этруские города, лепится к высокой скале. Даже в разгар сезона здесь не встретишь обычного для Италии туристического безумия. Когда-то это был один из крупнейших центров Этрурии. Сегодня об этом напоминают лишь музей древностей на центральной площади, а также запутанные катакомбы, проходящие подо всем городом: предприимчивые итальянцы используют их под винные погреба. Если вы приглянетесь официантке в ресторане, она проведет вас по ним и покажет эти древние сооружения,

заполненные сегодня запыленными и живописными (как будто сохранившимися с древнейших времен) бутылками с местным вином.

Этруски – самые известные из загадочных племен, населявших Италию до Рима. Но были и другие, неуловимым образом оставившие свой след в современной Италии. Племя умбров, жившее в лесах в предгорьях Апеннин, дало свое имя области Умбрии. И сегодня в маленьких городках, затерянных в лесистых холмах, живут грубоватые люди, кажется, все те же древние охотники в душе, даже если сегодня им и приходится охотиться только за туристами, а умбрийские мадонны, диковатые и раскосые, темны ликом. Через Апеннины от них жило племя пичены или печены (опять созвучие, теперь с нашими печенегам), неизвестно откуда взявшееся, побежденное и поглощенное в конце концов Римом. Их имя живет в названии города Асколи Пичено да в историческом музее в этом городе, где археологические находки сурово хранят тайны прошлого.

Древняя история нерасторжимо вплетена в жизнь современной Италии. При таких глубоких исторических корнях Средневековье уже кажется здесь современностью. Наследие великих предков – это и дар, и бремя одновременно. Итальянцы это наследие приняли и живут с ним, успешно сочетая чувство историзма с любовью к новизне. История здесь стала жизнью, она не просто фон, а и место действия. При этом у итальянцев нет того глубокого чувства любви к истории, которое отличает англичан, намеренно культивирующих традицию и старину. Нет, итальянцы любят современность и новизну, просто они для них неразрывно связаны с прошлым.

Итальянцев часто называют «очень молодой нацией, живущей на месте очень старой цивилизации». Если подходить к этому вопросу с формальной терминологической точностью, то это вполне справедливо: как единое государственное целое Италия возникает в 1860-х годах, и с этого момента начинается процесс формирования единой нации. Но итальянский народ существует гораздо дольше. Разобщенный территориальными границами и иностранными завоевателями, каждый из которых отвоевывал свой кусок этой прекрасной земли, он все-таки осознавал себя частью единого целого, во многом жил и развивался по общим законам и говорил на одном языке. Единство это не в последнюю очередь было обусловлено теми глубокими историческими корнями, которые этот народ пустил на итальянской почве. Преемственность – вещь всегда очень тонкая и сложная: христианство вытеснило язычество в некоторых странах уже много веков назад, а языческие обряды и по сей день живы, в том числе и в религиозных традициях: и блины мы жарим на масленицу, и яйца красим на пасху, и березовыми ветками украшаем храмы на троицу. Так и в современном, очень молодом итальянском народе есть очень глубокая и древняя основа: и этрусская, и умбрийская, и римская, и греческая, и византийская, и норманнская, и многие другие. Может быть, именно в этом причина такого разнообразия порой противоположных черт в натуре итальянцев, такое обилие контрастов в повседневной жизни.

Искусство в жизни итальянцев

Итальянцы с рождения окружены памятниками старины, существуют среди них постоянно, и то, что для других – музей и объект для изучения, для них – сама жизнь. Нигде в Европе не чувствуется столь явственно дыхание истории, как в Италии, живая и осязаемая история сопровождает итальянца всю его жизнь. Удивительное сочетание представляют собой старинные итальянские города. С одной стороны, многие из них производят пугающее впечатление декораций к художественному фильму из жизни средних веков. Пугающее, потому что много во всем этом дикого, варварского, нереального, словно пришедшего из глухой древности. Порой даже трудно представить, что на этих узких, не слишком чистых улицах, в старых развалившихся домах, на окнах которых, словно пестрые флаги, развешено постиранное белье, в том числе и нижнее, живут современные люди. А вместе с тем в эти старые двери вставлены современные замки, на древних крышах прячутся спутниковые антенны, а дряхлые развалины скрывают современное оборудование. Современная цивилизация и глухая древность уживаются бок о бок.

Более того, сегодня в Италии, как и во многих других европейских странах, история не просто бережно сохраняется, но и возрождается и культивируется. Так, в начале 1990-х стали выращивать и широко использовать в национальной кухне давно забытую еще римскую крупу – фарро, по-русски полба, тоже когда-то популярную, но вытесненную более удобными рисом и овсянкой. Сегодня суп из фарро очень популярное блюдо в Тоскане и Умбрии, местный деликатес, который подают в большинстве ресторанов, а саму крупу можно купить почти в любом магазине в этих регионах.

В последние годы в Италии стали даже вскрывать и в виде украшения выставлять на чистых побеленных стенах старую кладку, увлечение, раньше свойственное только помешанной на старине Англии. Словом, история в моде и лелеется.

Культивирование истории, в данном случае не без экономической подоплеки, привело к тому, что многие старые города обрели новую жизнь. Яркий пример – город Сан-Джиминьяно с его знаменитыми башнями-трубами. Еще сто лет назад этот маленький провинциальный городок хотя и упоминался в путеводителях, но находился в стороне от общетуристического движения. П. П. Муратов, посетивший его в самом начале XX века, описывал совершенно безлюдные каменные улицы этого «полудеревенского» города. «Медленная, почти остановившаяся жизнь идет за этими потемневшими и пережившими столетия стенами», – писал он.

В это же время побывал здесь и писатель совершенно другого склада, англичанин Э. Форстер, полюбивший этот город настолько, что сделал его местом действия, правда под вымышленным названием, своего первого романа «Куда боятся ступить ангелы». И в его изображении Сан-Джиминьяно, типично итальянский город, живет спокойной, скучноватой провинциальной жизнью. Здесь есть свои радости, свои горести, свое место встреч, даже свой театр, но общее ощущение затхлости и векового затишья не оставляет читателя.

Сегодня ситуация совсем иная. Путеводители по Италии оценили город по максимальной шкале, присвоили ему три звездочки, как Флоренции и Сиене. Теперь он стал местом, обязательным для посещения, что заметно повлияло на его жизнь и уклад. Все историко-культурные памятники, а ими полны многие, в том числе и совершенно неизвестные итальянские городки, подновили, расписали в буклетах и стали брать деньги за вход. Открылось множество разного рода заведений питания, в которых можно отведать «традиционные блюда местной кухни». Количество уличных кафе заметно увеличилось, так же как и сувенирных магазинов, торгующих стандартным набором из информационных буклетов, керамических тарелочек с силуэтом города, ярких открыток. Теперь здесь с утра до вечера толкуются туристы, группами и поодиночке, царит шум-гам и отчетливый дух коммерции. С одной стороны, хорошо, что

история помогает экономическому развитию города в новых условиях. С другой, немного жаль утраченного покоя.

История и искусство в Италии везде. В никому не известной деревне Треви находится прекрасная мадонна Перуджино. Тихий крошечный городок Монтериджоне под Сиеной владеет совершенно круглой удивительной городской стеной с башнями, которые в свое время поразили великого Данте настолько, что он описал их в своей «Божественной комедии» как застывших великанов. Не слишком знаменитый тосканский городок Ареццо хранит удивительные фрески Пьетро делла Франческо. Холмы под Падуйей скрывают подлинный и хорошо сохранившийся шедевр итальянского садоводства XVII века, виллу Барбариго. И такими сокровищами в буквальном смысле слова наполнена вся страна. Время от времени по каким-то причинам одно из этих мест, подобно Сан-Джиминьяно, объявляется шедевром мирового масштаба, в путеводителях помечается тремя звездочками, как марочный коньяк, и толпы туристов начинают осаждать город в погоне за знаменитостями. Но свои маленькие шедевры есть везде – на севере и юге, западе и востоке, в горах и на побережье. Словом, история и искусство царят в Италии повсеместно.

Возможно, именно обилие художественных и исторических памятников в повседневной жизни итальянцев привело к тому, что у них сложилось какое-то интуитивное, как будто врожденное и бессознательное чувство вкуса. Эта «бессознательность» не значит, что итальянцы не ценят и не понимают той красоты, которая их окружает. Итальянские музеи в будние дни полны местными школьниками всех возрастов, слушающими экскурсии, рассуждающими о живописи, делающими зарисовки с натуры, записывающими что-то в блокнотики. Не только естественное восприятие, но и целенаправленная политика по художественному воспитанию подрастающего поколения отличают современную Италию. Посещают музеи и взрослые итальянцы, немного теряющиеся в иностранной толпе, но с интересом и гордостью приобщающиеся к сокровищам своей страны.

Итальянцев отличает не только неосознанный эстетический вкус, но даже какое-то легкое, легкомысленное к нему отношение. Взять, например, скамейки, которые расставляют в маленьких городках или среди живописных пейзажей. Для них итальянцы находят поразительные по красоте и совершенству места. Путешествующий англичанин или русский, присев на такую скамейку, может только восхититься предусмотрительностью местных жителей и, притихнув, впитывать в себя окружающую красоту, погружаясь в вечность. Сами итальянцы, оказавшись в этом же месте, будут либо болтать без остановки, совершенно не обращая внимания на окружающие виды, либо, если это парочка любого возраста, обниматься, не замечая ничего вокруг.

Тонкий эстетизм и врожденное чувство вкуса проявляются во всем – красивой одежде, красивой мебели, удивительно художественном оформлении витрин. В самом отдаленном уголке страны, где узкие улицы и ветхие дома наводят на размышления о бренности человеческого бытия, встречаются магазины, по своему оформлению напоминающие произведения искусства. На средневековой, застывшей в прошлом улице будет находиться магазин супермодной кухонной мебели. Обшарпанные и полуразвалившиеся на первый взгляд жилища прячут в своих недрах шедевры ультрасовременного интерьера. Маленькая придорожная закусочная поразит тонко продуманным дизайном. Старое и новое уживаются в Италии бок о бок, контрастируя друг с другом, но не взаимоисключая.

Итальянцы любят богатство и пышность. Но благодаря художественному чутью умудряются избегать пошлости. Золото и мишура не раздражают здесь, а органично вписываются в дизайн. Еще Гете отмечал: «Пристрастие к ярким краскам мы обычно именуем варварством, безвкусицей; ...но под этим радостно-голубым небом ничто не выглядит слишком пестрым, ибо никакой пестроте не затмить блеска солнца и его отражения в море». Итальянцы – при-

рожденные гении дизайна, сочетания старины с современными формами, роскоши с чувством вкуса.

Интерьеры многих общественных заведений поражают оформлением. Небольшая гостиница в Орвьето украшена ультрасовременными картинами в стиле кубизма, удачно перекликающимися с мебелью. Более дорогой гостиничный комплекс под Монтериджоне оформлен в пышном стиле рококо, где все – от занавесок и ковровых покрытий до обивки мебели и посуды – выдержано в единой цветовой гамме. А trattoria в Норче выполнена в средневеково-рыцарском стиле, и еду готовят прямо в гигантском пылающем камине. И это все не какие-нибудь роскошные пятизвездочные отели или рестораны. Красота сопровождает итальянцев повсеместно. Так же как и разруха, обветшалость и грязь. Все это мирно уживается бок о бок, не мешая друг другу.

Трогательный и красивый эпизод из военной жизни является ярким свидетельством врожденной склонности итальянцев к искусству, доказательством того, что современные итальянцы чувствуют и ценят прекрасное не меньше своих прославленных предков. На севере Шотландии находятся Оркнейские острова. Место это, сохранившее памятники доисторической культуры, не слишком густо заселено, продувается ветрами большую часть года, и от привычного здешнего холода и сырости спасает только любимый напиток местных жителей, производимый здесь же, – виски. Стоящие кругом древние камни и небольшая, но деятельная висковарня – вот главное, что посещают туристы в этом суровом крае. Двадцатый век неожиданно подарил Оркнеям новую достопримечательность, причем при обстоятельствах, мало располагавших к созидательной деятельности.

В начале 1942 года группа итальянских военных была взята в плен в Северной Африке и отправлена на далекий шотландский остров в так называемый «Лагерь 60». Итальянцам предстояло трудиться на строительстве дамбы, получившей название «Барьеры Черчилля». Можно только представить, как непросто приходилось теплолюбивым итальянцам в суровом климате Северной Шотландии. Тем неожиданной оказалась их деятельность. В трудных условиях военного плена итальянцы, развенчивая стереотип о своей национальной изнеженности и лени, все свободное время посвящали улучшению условий своего быта: проложили бетонные дорожки между домиками, в которых жили, благо бетона было в избытке на стройке, разбили небольшой сад с цветочными клумбами, посадили огород, организовали театр. Жизнь должна быть красивой, даже на неласковых северных островах и в плену.

Один из военнопленных, имевший художественное образование, Доменико Кьоккетти (*Domenico Chiocchetti*) поставил в центре лагеря статую святого Георгия, сделанную из колючей проволоки и бетона, на фундаменте которой были записаны имена всех пленников. Наконец, в 1943 году усилиями все того же Кьоккетти и при активной помощи других итальянцев (с разрешения британского коменданта, конечно) началось сооружение часовни. Для этой цели были выделены два металлических вагончика полукруглой формы. Их покрыли все тем же бетоном со стройки и украсили как могли: расписали потолки и стены, нарисовали иконы, сделали цветные окна, изготовили металлические светильники и украшения, на собранные деньги купили занавес для алтаря. Когда в начале 1945 года пленные были отпущены, часовня все еще не была готова полностью, так что по своему прямому назначению ее практически не использовали, но чувство радости и красоты она дарила.

Доменико Кьоккетти остался на острове и после освобождения – чтобы закончить свое творение, и уехал на родину только после ее завершения. Местные власти уверили его, что часовня будет сохраняться как памятник культуры, и слово свое сдержали. В 1960-е годы на средства британцев итальянец был приглашен для реставрационных работ. Он оставил открытое письмо жителям Оркнейских островов: «Эта церковь ваша – любите ее и сохраняйте. Я увожу с собой в Италию память о вашей доброте и замечательном гостеприимстве. ...уезжая, я оставляю здесь часть моего сердца». Доменико умер в 1999 году в возрасте 89 лет, а итальян-

ская часовня стала одной из главных достопримечательностей северных шотландских островов.

Искусство сопровождает итальянцев всю их жизнь. Характерно, что ни у какого другого народа нет такого обилия сказочных сюжетов, в которых участвуют произведения искусства, прежде всего статуи. В итальянских сказках герои магическими чарами превращаются в статуи, влюбляются в статуи и стремятся их оживить, получают советы от статуй, становятся статуями в наказание.

Карло Гоцци, венецианский драматург XVIII века, использовал в своих пьесах традиционные сказочные сюжеты. В пьесе «Король-олень» статуя-болван выбирает королю невесту. В пьесе «Ворон» брат принца Дженнаро превращен чародем в статую, так как вынужден ради спасения брата и его невесты раскрыть магическую тайну. Наконец, в пьесе «Зеленая птичка» действует целая коллекция статуй: царь изваяний, бывший философ, прекрасная статуя, в которую влюблен герой, наконец, сам герой и его слуга обращаются в статуи, пытаясь похитить волшебные дары. Такое обилие статуй-персонажей не случайно, произведения искусства давно стали частью жизни итальянцев.

Каждый более или менее крупный город или деревня имеет не только свой музей, собор с произведением искусства различного масштаба, но и оперу. Здесь идут классические постановки, современные представления, на которые днем приходят школьники целыми классами. Вечером – публика посolidнее. Правда, существует мнение, что итальянцы не столько слушают оперу, сколько смотрят ее. Вот как описан Э. Форстером поход английских туристов в итальянскую оперу в маленьком провинциальном городке в начале XX века. «Он понял главный принцип оперы в Италии – ее цель была не создание иллюзии, но развлечение... Вскоре ложи стали наполняться народом... Семьи здоровались друг с другом через весь зал. Люди в оркестровой яме приветствовали своих братьев и сыновей, певших в хоре, и говорили им, как хорошо они сегодня поют. Когда Лючия появилась у фонтана, раздались громкие аплодисменты и крики «Добро пожаловать в Монтериано!».

С тех пор многое изменилось, и публика стала гораздо серьезнее и солиднее. Нарядные люди важно заполняют зал, оживленно переговариваясь, но не во время представления. Да и голоса оперных итальянских певцов славятся на весь мир. Правда, зрелищная часть занимает важное место в представлении, и дело не только в ярких декорациях. Важен весь процесс похода в оперу: себя показать, людей посмотреть, быть в курсе событий.

Трудно сказать, что стало определяющим, но у итальянцев сложилось зрительное восприятие мира. Интересно проявляется это в одном тайном национальном пристрастии – разглядывании витрин. Англичане называют это действие – «window shopping», буквально – «витринный поход по магазинам» (хотя в русском языке есть теперь и просто термин «шопинг», то есть можно сказать «витринный шопинг»). Это когда ты ничего не покупаешь, а просто разглядываешь витрины, прицениваясь к вещам, мысленно их примеряя и прикидывая, насколько эта покупка для тебя была бы удачна.

Итальянцы достигли в этом вопросе больших высот. Особенно любят заниматься этим парочки, которые могут посвятить этому приятному времяпрепровождению целый вечер, а то и несколько вечеров подряд. Они подолгу стоят у витрин закрытых магазинов, рассматривая находящиеся там предметы, серьезно обсуждая и обдумывая увиденное. Часто этот важный процесс проходит в задумчивом молчании, состоянии редком для итальянцев. Скорее всего, такое сильное увлечение витринами происходит из-за привычки к восприятию мира прежде всего глазами, через зрительные образы, и в этом проявляется своеобразное поклонение красоте. Тем более что витрины итальянских магазинов часто действительно очень красиво оформлены.

2. Италия и мир

Италия в географическом плане представляет собой замкнутую систему. Окруженная почти со всех сторон морем, она соединяется на севере с европейским материком, одновременно отгораживаясь от него Альпами – самыми высокими горами Европы. Великий итальянский поэт XIV века Франческо Петрарка восклицал: «Чтоб нам тевтоны угрожать не смели, | Природа возвела | Спасительные Альпы...»³ Спасительные Альпы, правда, никогда не могли защитить Италию от разного рода вторжений: колонизаторов, завоевателей, путешественников, туристов.

³ Перевод Е. Солоновича

Италия и Европа

Изолированность итальянского полуострова всегда носила исключительно географический характер и никогда – культурный. Как хорошо известно, продвижение Римской империи не сдерживали никакие препятствия географического характера. Ганнибал со своими знаменитыми слонами перебрался через альпийские хребты, не говоря уже о нашем Суворове.

Море же всегда представляло собой удобный транспортный путь. Каждый народ, имеющий выход к морским водам, осваивает их с какими-то конкретными целями. Греки увлекались изучением земель, норманны пользовались морскими путями для грабежей, англичане – для завоевания новых земель и расширения территории, исландцы – для ловли рыбы. Для жителей итальянского полуострова морской путь всегда был прежде всего торговым. Еще древние этруски торговали со всем средиземноморьем и за его пределами. В более поздние эпохи развитие торговли дало жизнь двум крупнейшим торговым европейским центрам – Генуе и Венеции.

В XV веке итальянские мореплаватели добирались в поисках торговых контактов аж до севера Норвегии. Этот малоизвестный исторический эпизод весьма характерен для понимания особенностей итальянского характера. В 1432 году венецианец Пьетро Кверини оказался у далеких норвежских Лофотеновых островов, расположенных за полярным кругом. Официально история по сей день выглядит следующим образом. Итальянский корабль заблудился в Северном море, и его течением вынесло к Лофотенам.

Кверини провел на острове полгода и пришел в восхищение от знаменитой местной сушеной рыбы, которая, будучи помещенной в воду, по вкусу неотличима от свежей. Секрет изготовления подобной рыбы был известен только жителям Лофотеновых островов. Уезжая, венецианец захватил с собой на дорогу «образцы» замечательной рыбы. В скором времени итальянцы стали главными импортерами норвежской сушеной трески (и остаются ими по сей день). Так вот «случай» привел к развитию торговых отношений. Норвежцы до сих пор верят в подлинность этой истории. Хотя ее коммерческий итог, подробный отчет, который позже составил Кверини, а также знание хитроумия итальянцев в торговой сфере вызывают закономерное сомнение в случайности этого происшествия. Интересно, что итальянцам было проще ввозить рыбу, покупая ее у норвежцев, чем заниматься самим масштабной рыбной ловлей.

Исторически Италия всегда представляла собой смешение культур, причем самых разных: начиная от упомянутых выше древнейших племен, живших на территории современной Италии, и заканчивая различными пришельцами, среди которых были представители самых разных народов – греки, норманны, галлы, лангобарды, арабы, немцы, французы, испанцы. Все эти прошенные и непрошенные визитеры не просто приходили и уходили, они всегда оставляли в Италии частицу своей культуры, а может быть, и души. Очень сильная и цельная итальянская культура всегда имела две взаимосвязанные особенности: впитывать и «переваривать» другие культуры и, в свою очередь, одновременно воздействовать на них и преобразовать их.

Яркий пример тому дает биография императора Священной Римской империи Фридриха II (1194–1250) из рода Гогенштауфенов.

Сама по себе Священная Римская империя, к названию которой при сохранении «Римская» было добавлено уточнение «германской нации», представляла собой интересное явление. Она возникла в 962 году, когда германский король Оттон I короновался в Риме, претендуя таким образом на возрождение славы и величия древнеримской державы. Последующие германские короли стремились к сохранению и титула, и господства над всей Европой. Причем обязательной составляющей полноты и полноценности этой власти было присутствие какого-нибудь итальянского компонента: владение Италией или хотя бы частью ее, или возможность короноваться в Риме, или, в конце концов, хотя бы сохранение итальянской частицы в титуле.

Фактически именно эта всепоглощающая страсть германских императоров ко всему итальянскому и подорвала их империю. Она заставляла их снаряжать один разорительный поход в Италию за другим, лавировать и открыто бороться с папством, с итальянскими городами, с независимыми феодалами, со всеми, кто препятствовал заветной цели, нередко ради нее забывая о родных немецких землях и о других завоеванных народах. Это в какой-то мере и привело к тому, что, сохраняясь формально до начала XIX столетия, империя фактически потерпела крах в середине XIII века, как раз при Фридрихе II. Италия, завоевание которой дало толчок к созданию Священной Римской империи, стала и причиной ее разрушения.

Фридрих II, безусловно, был личностью удивительной. Сын императора Генриха VI и Констанции Сицилийской, внук знаменитого Фридриха I Барбароссы и короля Сицилии норманна Рожера II, он вырос на юге Италии и с рождения впитал итальянский дух. Его дед по материнской линии, норманн Роджер, завоевал в 1130 г. Сицилию и стал королем острова и всей той континентальной части южной Италии, которая обозначалась как Апулия. Покоренный итальянской культурой, бытом и нравами местных народов, Роджер принял свою новую страну такой, какая она была. Его правление, так же как и его сына и внука, отличалось редкой религиозной и культурной терпимостью, а возглавляемое им государство стало одним из самых передовых для своего времени. Маленький Фридрих вырос в окружении высокой культуры, прекрасных произведений искусства, интеллектуальных бесед, яркой сочной повседневной жизни южной Италии.

Вот как описывает 14-летнего Фридриха в частном письме неизвестный современник: «...Упражнениям то с одним, то с другим оружием он посвящает весь день до наступления ночи, а затем еще несколько часов – чтению исторических сочинений.

Его поведение выдает королевское достоинство, а выражение лица и властная величественность подобающи властителю. Его высокий лоб и весело сверкающие глаза притягивают взоры гостей, воистину люди ищут его взгляда. Пылкий, остроумный и восприимчивый, он, правда, ведет себя несколько неблагопристойно, но это не столько исходит из его натуры, сколько является следствием общения с грубыми людьми.

...Однако его усердие опережает его возраст настолько, что, еще не став зрелым мужем, он уже обладает мудростью, достигаемой обычно лишь в течение многих лет. Так что не суди о нем по числу прожитых лет и не жди его полного совершеннолетия, ибо он уже по разумению муж, а по величию правитель»⁴.

Фридрих был провозглашен в разные годы: королем Сицилии, королем Немецким, королем Иерусалимским, императором Священной Римской империи. Решать политические конфликты он предпочитал дипломатическим путем, а не силой оружия (именно так им был взят Иерусалим, что многие посчитали хитростью, недостойной высокой цели крестовых походов). Он прославился как гений дипломатической интриги. Если было необходимо, а в то время, да еще на его месте, это было неизбежно, много и энергично воевал. Был замешан во многих политических интригах того времени. Неоднократно предавался анафеме папой римским. Умер внезапно в 56 лет от кровавого поноса. На его смерть английский современник написал в своеобразном «некрологе»: «И в это время умер Фридрих, величайший из князей мира, вызывавший удивление мира (*stupor mundi*) и чудесный преобразователь (*immutator mirabilis*)».

Активная политическая жизнь Фридриха II протекала бурно, как и подобало государственному деятелю подобного масштаба, но сердце его было отдано Италии и ее культуре. Он стал одним из самых образованных людей своего времени, сам увлекался науками и покровительствовал другим. Фридрих знал по крайней мере восемь языков – сицилийский, латынь, арабский, греческий, древнееврейский, французский, провансальский, немецкий. Увлекался математикой, физикой, медициной, астрономией, философией. Написал книгу о соколах и

⁴ Перевод А. А. Беленькой

трактат «Об искусстве охоты с птицами». Занимался сельским хозяйством, по его указанию на юг Италии были привнесены новые виды растений, такие, как финиковая пальма и сахарный тростник. В 1224 году основал высшую школу в Неаполе, своего рода первый «государственный университет», готовивший кадры для государственного управления.

Фридрих был поистине разносторонней личностью. Помимо увлечения науками он писал стихи, да такие, что великий Данте называл его «отцом итальянской поэзии». Собрал огромную библиотеку. Прославился как алхимик, астролог и чародей. И это при том, что будучи итальянцем по духу, если не по крови, больше всего он любил радости жизни – хорошую еду, приятную дружескую беседу, красивых женщин (браки он заключал из политических расчетов, но, по слухам, имел чуть ли не гарем для удовольствия). В его прекрасных замках постоянно устраивались праздники, представления, пиры с песнями и музыкой. Остается удивляться, как только у одного человека хватало времени на все.

Фридрих не мыслил своей жизни без Италии, и Италия теперь непредставима без него. Большую часть своей жизни этот немецкий император провел в этой стране, покидая ее лишь вынужденно и крайне неохотно. До сегодняшнего дня на юге страны сохранились многочисленные замки, выстроенные по его указанию. Один из самых странных из них – Кастель-дель-Монте, находящийся недалеко от Бари. До сих пор его архитектура является неразрешимой загадкой для ученых. Замок представляет собой геометрически совершенно ровный восьмиугольник с восемью выступами, в которых располагались жилые помещения. Для чего надо было возводить столь сложную в строительном плане геометрическую структуру, совершенно неясно, наиболее смелые авторы высказывают предположение о каких-то мистических целях короля-алхимика.

Подобного рода замков Фридрих II оставил на удивление много – в Бари, где он перестроил здание, начатое его дедом, два под Флоренцией, где он пытался укрепиться для военных целей, некоторое количество в родной Сицилии, а больше всего на юго-восточном побережье, вокруг города Бари, эти места были особо любимы императором. Неприметный сосед шумного и значительного города Бари, портовый городок Трани достиг пика своего могущества как раз при императоре Фридрихе. Тогда же была построена и крепость из светлого камня, спускающаяся прямо в море. Сегодня она доминирует над маленьким и тихим портом, где население ловит рыбу для своего потребления и пьет кофе для удовольствия, где днем замирает вся жизнь, а туристы рассматривают огромный храм, посвященный Николаю-пилигриму, малоизвестному святому, избранному, видимо, в пик все тому же Бари, хранящему мощи Святителя Николая. Жизнь и деятельность Фридриха – прекрасный пример плодотворного взаимодействия культур на итальянской земле.

Влияние Италии вне ее земли прослеживается столь же ярко, сколь и на ее земле. Здесь история в качестве иллюстрации подарила нам совершенно иную судьбу, и в иное время. Знаменитая флорентийская семья Медичи дала много заметных и ярких личностей, оставивших свой след в истории. Среди них две стали королевами Франции – Екатерина и Мария. Впрочем, след последней, ставшей женой короля Генриха IV (первой женой которого была известная всем, не в последнюю очередь благодаря Александру Дюма, королева Марго, кстати, дочь Екатерины Медичи), хотя и заметен, но не слишком ярк, не считая того, что она подарила Франции короля Людовика XIII.

Екатерина же Медичи (1519–1589) была личностью талантливой. Став женой французского короля, она все силы своей души отдала новой родине, но характер и привычки сохранила итальянские. Осиротевшую во младенчестве ее воспитывали родственники, монахини монастыря, куда она была отдана во время волнений в родной Флоренции, воевавшей с ее дядей, папой Климентом VII. В 14 лет она была выдана замуж за юного Генриха, сына французского короля Франциска I, и больше никогда не вернулась в родную ей Флоренцию.

Дальнейшая ее жизнь – достояние истории, причем французской. Ее образ, дошедший до потомков, крайне противоречив. Одни считают ее монстром, отдавшим приказ о начале Варфоломеевской ночи, травившей и убивавшей всех, кто мешал ее амбициозным планам, не жалевшей даже родных и близких. В искусные коварные отравительницы записал ее и Александр Дюма. Знаменитый французский писатель обладал удивительным талантом навешивать ярлыки, часто ничего общего не имеющие с исторической действительностью, на самых разных исторических деятелей и события. Армии серьезнейших историков и менее талантливых писателей никакими обстоятельными трудами не могли потом опровергнуть точку зрения Дюма. Так и остался, например, Ришелье в сознании потомков неумным интриганом-обольстителем, и сделать с этим уже ничего нельзя, пока школьники предпочитают романы Дюма учебникам истории.

Так вот, Александр Дюма черными мелодраматическими красками рисует Екатерину Медичи. Он также пустил в обиход расхожую фразу о том, что ее зять, Генрих Наваррский, будущий Генрих IV (тот самый, который согласно популярной песенке «славный был король, вино любил до черта, но трезв бывал порой...»), в те дни, когда теща ему улыбалась особенно ласково, питался только яйцами, собственноручно сваренными в воде, которую он сам доставал из Сены.

Есть среди историков и другое мнение, делающее Екатерину крупным политиком и дипломатом, выдающимся политическим деятелем своего времени, ловко лавировавшим между различными партиями в сложное для Франции время. Во всех случаях все особенности ее характера дружно приписываются ее итальянскому происхождению. Заметим, что сами итальянские историки предпочитают видеть в ней прежде всего верную жену и заботливую мать.

Жизнь Екатерины Медичи была непростой даже для ее сложного времени (было ли когда-нибудь в истории «простое время»?). Личная жизнь, важная для любой женщины, складывалась непросто. Во-первых, девять лет Екатерина оставалась бесплодной, что, помимо всего прочего, было катастрофой в ее положении – вскоре после заключения брака умер брат Генриха, и последний стал наследником престола. Возник вопрос о разводе – Франции нужны были дальнейшие продолжатели королевской династии, законные наследники. В этот момент, как будто в результате нечеловеческого усилия воли, а многие поговаривали, что не без помощи колдовства, Екатерина забеременела. В последующие 11 лет она родила 10 детей, 7 из которых выжили, а три стали впоследствии французскими королями. Трагично то, что, несмотря на такую внезапную плодовитость, дети Екатерины стали последними в роду династии Валуа и не оставили потомства, а трон перешел к ненавистным ей Бурбонам. Екатерина умерла незадолго до этого, но судьба династии уже была к этому моменту предопределена.

Ее муж, Генрих II, относился к ней с уважением и, видимо, был по-своему привязан. Но в мировую историю любовных романов он вошел благодаря своей непреодолимой страсти к Диане де Пуатье, обольстительнице, которая была старше его жены на 20 лет (а следовательно, и его самого, так как он был немногим старше Екатерины). Диане мало было любви мужа, ей нужно было еще и унижение жены-соперницы. Так что вплоть до гибели мужа (Генрих погиб на рыцарском поединке, пораженный копьем в глаз) гордая флорентийка подвергалась постоянному унижению от соперницы и двора, принявшего сторону последней. Кстати, после смерти мужа Екатерина, хотя и отобрала решительно у соперницы все, принадлежавшее ранее королевской казне, сохранила ей ее владения и не преследовала ее, опровергнув миф об особой итальянской мстительности.

Можно по-разному оценивать вклад Екатерины в политическое развитие Франции, но ее влияние на французскую культуру не вызывает сомнения, хотя и обросло легендами. Французский двор встретил Екатерину без особого восторга, прежде всего потому, что она происходила из рода Медичи, а Медичи, несмотря на их богатство и власть, были торговцами. Для французской аристократии брак сына короля с представительницей буржуазии был очевидным

мезальянсом. Вместе с тем флорентийский быт того времени, в котором выросла Екатерина, существенным образом отличался от французского, причем отнюдь не в пользу последнего.

Можно себе представить, какое впечатление произвел на юную итальянку королевский двор Франции! Вилки с четырьмя зубцами, вошедшие в флорентийский обиход еще в XV веке, введенные Екатериной во французский королевский быт, вызывали грубые насмешки. Здесь по-прежнему предпочитали есть при помощи ножа и рук, вытирая их о скатерть. По-прежнему был распространен обычай ставить одну тарелку на двоих, давно изжитый во Флоренции, где каждому полагался индивидуальный прибор во время еды. Суп же чаще всего ели вообще из общей супницы.

Ванные комнаты в Италии появились еще в XVI веке, французы же еще несколько столетий мылись в тазах и ушатах. Еще Фридрих II в XIII веке оборудовал в своих замках удобные туалеты, французы не делали туалетов даже в королевских дворцах. Сын Екатерины, Генрих III, даже вынужден был издать указ, чтобы залы дворца убирались от нечистот каждое утро до подъема короля.

Не лучше была ситуация вне дома, в городе. Во Флоренции еще с конца XIV века наиболее грязные службы – бойни, красильни, кузницы – выносили на окраины города, а на центральных улицах и площадях запрещался проезд телег и торговля отдельными товарами, «дабы не нарушать красоту места». Для украшения и оздоровления города в это же время здесь разбиваются сады и общественные парки. В XV веке во Флоренции начинают устанавливать фонари для освещения улиц. Каменные здания к этому времени преобладали уже над деревянными. Екатерина выросла в каменном дворце Медичи, украшенном мрамором и прекрасными фресками.

В Париже в это время ситуация была гораздо менее приятной. Нечистоты выливались прямо на улицу в канавы, испускавшие зловоние и служившие источником заразы. Помои часто выливали прямо на голову прохожим, запретили эту практику в Париже только во второй половине XVIII века. Несмотря на запреты, горожане держали скот прямо в городе, так что свинья, расположившаяся посередине улицы, была не редкостью в этом столичном городе. Какое бы то ни было освещение, кроме луны, отсутствовало вплоть до XVIII века, а дома были преимущественно еще деревянными.

В таких условиях юная Екатерина Медичи оказалась после замужества. Ее влияние на французскую культуру теперь трудно определить точно, и невозможно отделить правду от вымысла. Достоверно известно, что выписанные ею художники украсили своими произведениями французские королевские дворцы. По ее приказу было сооружено новое крыло в Лувре и началось строительство Тюильри. Ее личная библиотека была одной из крупнейших во Франции в то время. Считается также, что именно она ввела в употребление при французском дворе вилку и усовершенствовала примитивную до тех пор сервировку стола. Говорят, что именно ей, заядлой и ловкой наезднице, женщины обязаны особым женским седлом. Любительница духов и благовоний, она привезла из Флоренции неиссякаемый запас, познакомив с ними французское общество. Наконец, любительница вкусной еды, Екатерина выписала из Италии когорту итальянских поваров, научивших французов готовить изысканные блюда. Впрочем, последнее мнение поддерживают прежде всего итальянские исследователи. Французские с ним не согласны.

Конечно, не стоит преувеличивать влияние одной Екатерины Медичи на всю французскую культуру. Франция жила и развивалась по своим законам и в скором времени стала европейской законодательницей моды. Но, безусловно, не без итальянского влияния. Кстати, большим поклонником всего итальянского был еще свекор Екатерины, Франциск I, собравший при своем дворе самых разных итальянских художников. Достаточно упомянуть, что он оказал покровительство Леонардо да Винчи, который умер во Франции, завещав ей свой шедевр Мону Лизу, ставшую украшением Лувра.

Итальянская культура не только влияла на другие народы, но и, как было сказано выше, сама подвергалась влиянию других. Надо отметить, что только сильные и ярко выраженные культуры не боятся заимствований и воздействия извне. Они как бы перемалывают все новшества, перекраивают их на свой лад, забирая понравившееся и отбрасывая чуждое. Именно так итальянская культура поступала со всеми многочисленными внешними воздействиями, расцветая и укрепляясь. Вопреки распространенному мнению, даже многочисленные иноземные завоевания не только не уничтожили основ итальянской жизни и быта, не растворили итальянский характер, а лишь расцвелили их дополнительными красками. Италия, подобно тюльпановой весне, «лишь румяней стала, наперекор врагу».

Современная Италия продолжает находиться в непрерывном взаимодействии с другими странами и народами. Новые, мирные набеги совершают сегодня миллионы туристов, жаждущих прикоснуться к красотам и чудесам этой прекрасной страны. В Европе нет равных ей по притягательности. По древности цивилизации ее превосходит только Греция. Но она как бы застыла в далеком прошлом, а Италия дала и богатейшую средневековую культуру. Франция богата Средневековьем, но в ней нет древности и солнечной погоды круглый год. В Англии есть красивейшие сады и парки, но нет всего означенного выше. Словом, одна Италия из европейских стран сочетает в себе все: древность, Средневековье, мягкий климат, много солнца, морские побережья, цветущие сады, прекрасную еду, свое вино, шедевры культуры, самую знаменитую оперу. Если добавить к этому заметно улучшившийся в последние годы сервис – замечательные автострады, опоясывающие всю страну, сеть гостиниц для людей с самыми разными финансовыми возможностями, прекрасно организованные музеи, то становится ясно, что сегодняшняя Италия – просто рай для туристов. Число их растет год от года и плохо поддается учету. Открытые границы между странами Шенгенского соглашения не дают возможности учесть всех тех, кто приезжает сюда из других европейских стран. Поэтому, видимо, столь разнятся цифры, приводимые в разных справочниках, – от 15 до 40 миллионов человек в год.

Сами итальянцы относятся к этому новому нашествию, как и всегда, спокойно. И, как и всегда, извлекают из него свою выгоду. Конечно, толпы мятущихся людей, говорящих на непонятных языках, нарушающих все возможные правила и установления, пьющих капучино, о ужас, в любое время дня и ночи, надевающих спортивные костюмы в музеи, а иногда и в театры, не могут не раздражать. С другой стороны, туризм сегодня является одной из важнейших статей дохода страны и источником обогащения многих индивидуумов. Так что можно и потерпеть.

Конечно, в оживленных туристических центрах в пик сезона местные жители могут быть и не слишком любезны, а уж надуть глупого туриста и вовсе дело святое. Но в целом отношение итальянцев к иностранцам довольно доброжелательное, хотя и отстраненное. Они как бы создают свой особый замкнутый мир, отстраняясь от всей этой суеты и толпы. Поэтому столь разителен контраст между оживленными центральными туристическими улицами, кишачими людьми, и боковыми проходами, живущими своей особой, размеренной, упорядоченной жизнью, определенной задолго до дня сегодняшнего.

Показателен эпизод, произошедший не так давно в тихом и спокойном городке Монтероссо, расположенном на Лигурийском побережье. Место это только в последние годы стало заполняться туристами, так что сохранило еще некоторую патриархальность и умиротворенность. В маленькой частной гостинице произошел конфликт между немецкими и американскими туристами. И те и другие были сильно разгорячены разного рода напитками, что нередко случается в Италии, где обилие и разнообразие аперитивов, диджестивов и недорогих вин часто приводит неопытных туристов к их чрезмерному потреблению. Американцы, охваченные чувством свободы от пребывания в чужой стране, стали всячески насмехаться над немцами, вспоминая им прегрешения минувших лет. Немцы мрачно молчали, пока наконец чаша

их терпения не переполнилась. После этого в окно полетели не только сами американцы, но и их личные вещи, а заодно и мебель, стоявшая в комнате.

Пока две нации выясняли, кто из них может претендовать на мировое господство, итальянцы занимали выжидательную позицию. Карабинеры, чей участок находится за углом, были аккурат, когда все было закончено, чтобы составить протокол и пойти пить кофе. Позиция невмешательства – наиболее удобная и безопасная. Если Италия и не может себе позволить придерживаться ее в государственном масштабе, то на бытовом уровне она самая распространенная.

Создав свою замкнутую структуру, отгороженную от иностранцев традицией и укладом жизни, итальянцы, в целом принимая их как неизбежность, создали для них и свои правила. Смысл их прост: что с них взять, иностранцы! Пусть живут, как могут, лишь бы нам не мешали. Так, попытка английских туристов узнать, как купить лицензию на рыбную ловлю, вызвала полное недоумение в туристическом офисе. Кстати, удивление и недоумение – обычная реакция в итальянских туристических офисах. Есть два-три простых действия, например, бронирование гостиницы или раздача брошюр о соседнем музее, которые они умеют делать, все остальное вызывает, как правило, глубокий ступор. Сравниться с ним может только реакция полицейских, когда у них спрашиваешь дорогу в их родном городе. Однажды трое из них так и не смогли вспомнить, где находится туристический офис, располагавшийся прямо за их спинами.

Так вот, возвращаясь к рыбной ловле. После долгих мучительных размышлений и совещаний в туристическом офисе сказали: – Не надо лицензии. – Вообще не надо? – Нет, вообще надо, но вам не надо. – А если полиция? – Не страшно, скажите, что иностранец.

Поскольку итальянцы уверены, может быть вполне справедливо, что итальянский язык – самый красивый в мире (а Италия, кстати, самая красивая страна, о чем, как и о том, что Карфаген должен быть разрушен, никогда не лишне напомнить), они не владеют иностранными языками. То есть они ничего не имеют против, даже готовы их изучать, здесь нет и капли высокомерия, свойственного нередко, например, французам, сознательно отвергающим английский язык, но в общей массе языки итальянцам не даются. Конечно, речь не идет о развитых туристических центрах и дорогих отелях, но вот уже один шаг в сторону приводит к полной языковой изоляции.

Даже те, кто с гордостью делают вид, что знают английский, как правило, владеют 2–3 расхожими фразами, так что настоящее общение редко удается. Величественный метрдотель на завтраке в четырехзвездочной гостинице на озере Комо явно гордился своим владением четырьмя языками. Входящих туристов он приветствовал «добрым утром» на их родных английском, французском, немецком и испанском языках. На них же принимал заказ. И только выполнение этого заказа – всегда неправильное и перепутанное – подсказывало, что знание языков было мнимым и внешним.

При этом степень понимания у итальянцев очень высокая, особенно если они хотят тебе что-нибудь продать. Два-три слова на их родном языке, как правило, приводят к полному взаимопониманию, иногда вполне хватает и жестов.

Помимо прямых доходов, туризм стал важным стимулом развития страны. Новое иностранное нашествие позволило итальянцам как бы заново оценить свою страну, направить свои усилия на восстановление и сохранение памятников культуры и истории, возродить многие из забытых традиций. Причем, как ни парадоксально, делается это далеко не всегда из исключительно корыстных побуждений. Просто взаимодействие с другими культурами, перспектива интеграции в общеевропейское культурное пространство, придали дополнительный интерес своим национальным традициям и обычаям. Поэтому не случайно, что число разного рода местных праздников, обрядов, торжеств растет год от года. И получают от них большое удовольствие, в первую очередь итальянцы.

Самые многочисленные туристы в Италии сегодня – немцы. Древняя тяга германцев к итальянской земле сегодня вылилась в нескончаемый поток любителей отдыха и развлечений. Остановить ее не могут даже периодические скандалы, провоцируемые время от времени итальянскими государственными деятелями. Так, летом 2003 года госсекретарь по вопросам туризма Министерства экономики Италии высказался о немецких туристах следующим образом: «Опьяненные высокомерной самоуверенностью, они с шумом заполняют в период летних отпусков наши пляжи», «однообразные, сверхнационалистически настроенные блондины». Немцы обиделись страшно, пригрозив отказаться от проведения отпусков в Италии. Реакция итальянцев была вялая: туристические фирмы высказали невнятное возмущение, официальной реакции не было никакой.

В тот же год премьер-министр Италии Сильвио Берлускони, большой любитель эпатажа, небрежно бросил депутату от Германии в Европейском парламенте, что тому бы, мол, хорошо подошла роль зрителя в концлагере. И вновь протесты – с одной стороны, и тишина – с другой. Создается впечатление, что итальянцы, уверенные в притяжении своей магической земли, доставляют себе маленькое удовольствие, поддразнивая немцев. Последние же, также сознавая, что никуда не денутся и все равно поедут в отпуск к итальянскому морю, переживают и бьются от своего бессилия. А число немецких туристов действительно не уменьшается.

Великий Гете, одним из первых немцев проложивший туристическую тропу в Италию, еще в конце XVIII века писал о непреодолимом притяжении этой страны, называя ее великой школой жизни. При этом местные жители отнюдь не вызывали у него подобного восхищения: «Об итальянцах могу сказать только, что это – дети природы; среди роскоши и величия искусств и религии они ничуть не отличаются от того, чем были бы в пещерах и в лесах»⁵. Но, будучи не просто немцем, а великим немцем, он прекрасно понимал, что эти жители составляют важную и неотъемлемую часть очарования Италии. Далеко не все немцы с этим соглашались.

Трудности, с которыми сталкиваются немцы в Италии, хорошо переданы в рассказе Томаса Манна «Марио и фокусник». Посвященный на первый взгляд итальянским нравам, он гораздо точнее передает настроения и отношения немцев. Замкнутость и цельность итальянской культуры вызывает у них постоянное чувство неудовлетворения и обиды: и столик им в ресторане дали не тот, и на пляже ими никто не интересуется, и постоянный кашель их дочери раздражает итальянскую соседку, пугающуюся за своих детей (а кто бы не испугался?).

Немцы не только самые страстные поклонники Италии, они же и изучили ее лучше других народов. Конечно, большая их часть лежит на пляжах Адриатического моря. Но зато остальные осваивают самые труднодоступные районы страны. Если вы нашли самый малопосещаемый, забытый Богом и людьми сонный уголок, о существовании которого не догадываются даже сами итальянцы, вы можете быть уверены, что единственный народ, который побывал там кроме вас, будут немцы. При этом образованная их часть будет еще и свободно говорить по-итальянски, и прекрасно ориентироваться во всех традициях и нравах. Да и лучшие труды по Италии написаны, пожалуй, немцами, с которыми соперничают только британцы.

С французами у итальянцев, пожалуй, самые напряженные взаимоотношения. С одной стороны, ближайшие соседи, в прошлом завоеватели. До сих пор некоторые территории – долина Аосты, Лигурийское побережье – носят смешанный итальяно-французский характер. С другой – в культурах слишком много поводов для соперничества, чтобы относиться друг к другу спокойно. Не прекращается внутренний спор о том, чья кухня лучше. Общеизвестно-знаменитой считается, конечно, французская. Но в последние годы среди знатоков и гурманов распространилось мнение о первенстве итальянской в этом вопросе. Французское вино активно проникает на итальянский рынок, что не может не вызывать раздражения, ведь

⁵ Здесь и далее перевод Наталии Ман

итальянцы помнят, что именно они научили неразумных галлов производству этого благородного напитка. А теперь вот весь мир увлечен французским вином. Знаменитые модные дома Италии составляют заметную конкуренцию французским модельерам. Словом, там, где есть соперничество, нет мира.

Замечательный, практически забытый сегодня старый франко-итальянский фильм «Закон есть закон», с неподражаемыми Фернанделем и Тото, отлично передает разницу в характерах двух соседствующих народов. Пограничный городок разделен посередине на две части: в одной живут французы, в другой – итальянцы, между ними – граница. Эта граница не просто полоса на тротуаре, она разделяет соседей на две совершенно разные группы людей, и спутать их невозможно. Они сидят в одном баре, по которому тоже проходит разделительная черта, ходят по одним улицам, но живут и мыслят по-разному.

Одним из самых внимательных французских наблюдателей итальянской жизни был писатель Стендаль. Восхищение страной смешивается в его заметках со скептическими замечаниями и меткими наблюдениями. Он со своими спутниками стремился в Рим, так как надеялся «найти там итальянские нравы, которые в Милане и даже во Флоренции несколько испорчены подражанием Парижу». Но и приезд в Рим не дал полного удовлетворения: «Для того, чтобы совершить путешествие в Рим, нужно сперва кое-чему поучиться. Эту досадную истину делает еще более неприятной то, что в парижском обществе все считают себя большими любителями и знатоками искусства. В Рим приезжают из любви к изящным искусствам, а по приезде эта любовь вас покидает, и, как водится, ее место готова занять ненависть»⁶. Немногие из тех, кто провел утомительную, перегруженную экскурсиями неделю в многочисленных и набитых шедеврами музеях Рима, осмелились бы высказать свои тайные мысли с такой откровенностью.

Все большей популярностью пользуется Италия у американцев. Хотя их далеко не все в ней устраивает. Во-первых, американцы любят, чтобы было дешево и комфортно. Вот это в Италии найти трудно: либо-либо, приходится выбирать. Во-вторых, знаменитая итальянская еда очень мало походит на любимую американцами фаст-фуд, даже пицца здесь какая-то, с их точки зрения, неправильная. Нет, конечно, речь идет не о гурманах и знатоках, а об общей массе туристов. Нравятся: чувство свободы, которое дает Италия, и вино, которое дешево, вкусно и продается без ограничений повсеместно. Отвыкшие и от того и от другого американцы часто одуревают и перестают знать меру. В целом же американцы не слишком выделяются из общей массы туристов: они не более развязные, чем немцы, не больше пьют, чем русские, не хуже одеваются, чем англичане.

Забавные записки Дарио Кастаньо, итальянского гида по району Кьянти были не так давно опубликованы в Италии. Большая часть его клиентов – богатые американцы. Смешанные чувства прорываются в описании их поведения в Италии. С одной стороны, неприлично плевать в колодезь – весь основной доход автора идет именно из-за океана. Среди его клиентов попадаются истинные ценители, например, вина. Один из них приезжал в Кьянти каждый год и скупал самые дорогие вина для своей коллекции, что вызывало заметное чувство гордости у его итальянского сопровождающего.

С другой стороны, две вещи никак не давали гиду расслабиться: бесцеремонность американцев и их любовь к кока-коле. И то и другое откровенно раздражало. Как можно было, находясь в самом красивом месте земли, по мнению итальянского автора-патриота, в любимой им Сиене, жаловаться на отсутствие каких-нибудь глупых удобств и с треском открывать диетическую колу.

Жители Италии всегда неизбежно вызывали у прагматичных и практичных американцев иронию, смешанную с тайным чувством зависти. Было непонятно, как целый народ может так

⁶ Здесь и далее перевод Б. Реизова

откровенно получать удовольствие от простой повседневной жизни. Но это же вызывало и тайную зависть.

Особенное непонимание вызывает тот факт, что итальянцы все, с точки зрения американцев, получают легко и незаслуженно. Отсюда большое число иронических высказываний, касающихся сомнительности итальянских средств. Путеводители любят цитировать американского посла в Италии, сказавшего, что «Италия – очень бедная страна, в которой живет много очень богатых людей».

Кстати, распространению многих стереотипов об итальянцах способствуют многочисленные американцы итальянского происхождения. Покинувшие страну еще в первой половине XX века, они часто упорно не хотят признавать тот простой факт, что в Италии многое изменилось с тех пор. Отсюда и обилие итальянских героев американских фильмов, несколько устаревших с современной точки зрения.

В последние годы Италия столкнулась с еще одной «американской» проблемой. Все больше и больше заброшенных вилл и ферм скупается заокеанскими поклонниками страны солнца. На страницах газет и публицистических книг не прекращается дискуссия – хорошо это или плохо для страны. Очевидно, что передача своих культурных ценностей в чужие руки, а большинство итальянцев именно так оценивают продажу земли и зданий, всегда плохо. Кто их знает, что они там напридумывают. Вместе с тем поскольку у самих итальянцев нет ни средств, ни желания восстанавливать эти развалины, то в некотором смысле благом является тот факт, что кто-то вкладывает деньги в восстановление их национального достояния. Да и продавцы довольны, цены на землю и недвижимость в стране поднимаются благодаря иностранцам год от года.

Самые интересные отношения сложились у итальянцев с англичанами. Эти две столь различные нации имеют друг к другу некое подобие притяжения. Можно было бы даже сказать, что у англичан оно граничит с любовью, а у итальянцев с уважением, если бы подобные чувства по отношению к другому народу были бы представимы в обоих случаях.

В «глухие» годы итальянской истории, в XVII–XVIII веках, англичане принесли стране второе (или скорее очередное) возрождение. Именно они открыли глаза всему миру на чудеса Италии, на особый неповторимый дух этой страны, на ее вечное очарование. Большое Турне, «Гранд тур», зародилось именно в Англии. Англия привлекла внимание остального мира, вслед за ней в Италию приобщаться к прекрасному потянулись и другие.

В свою очередь итальянцы подарили англичанам самое прекрасное, что только могут представить себе жители этого острова (кроме, чая, конечно, «подаренного» китайцами). Итальянские сады стали настоящей страстью англичан. К ним «приложились» архитектурные и прочие художественные заимствования. Процесс этот оказался взаимным – позже итальянцы полюбили английские сады и уничтожили некоторые из своих творений в угоду этому новому увлечению. Прекрасно продуманная «дикая» природа вполне импонировала их вкусу.

В последние годы англичане увлеклись итальянской кухней. Ошибочная идея, что для получения желаемого результата достаточно только использовать побольше оливкового масла, белого сыра и помидоров, овладела их умами. Итальянские рестораны распространяются по стране. Притягательные на слух итальянские названия скрывают за собой вполне привычную для англичан пищу, политую оливковым маслом и приправленную чесноком. Достаточно только отметить, что ко всем блюдам в таких ресторанах подается в больших количествах неизменная картошка, столь почитаемая англичанами и малораспространенная в Италии, чтобы понять, как далека эта кухня от оригинала.

Бодрые, подтянутые, в аккуратных светлых кофточках, если это старушки, неизменно спокойные (для полноты картины не хватает только пробкового шлема), англичане заполняют итальянские гостиницы. Им удастся каким-то образом избежать самых вульгарно-переполненных мест, но и не залезать в самые что ни на есть отдаленные уголки. Они не сорят деньгами,

но необъяснимым образом вызывают неизменное уважение у местных жителей, выделяющих их среди прочих иностранцев.

Сами итальянцы за границей производят, как правило, жалкое впечатление. Притихнув и присмирив, они постоянно мерзнут, кутаются в теплые кофты, производя впечатление нахохлившихся птиц (причем это относится не только к «вечнохолодной» России). В глазах их угадывается скрытая тоска и мечта о возвращении в знакомый и привычный им мир, где все подчинено четким и определенным законам. Но для того, чтобы убедиться, что Италия – самая прекрасная страна в мире, к сожалению, приходится время от времени ее покидать. Те же, кто в этом никогда не сомневаются, предпочитают проводить отпуска у себя дома.

В целом Италия не имеет ничего против Европы. Она решительно и без сомнений вошла в Европейское сообщество, спокойно присоединилась к Шенгену, легко ввела евро. Собственно говоря, пока это самое сообщество не мешает ей жить своей жизнью, пить кофе и граппу, смотреть футбол, болтать на улицах с соседями, почему бы и не быть его частью? А выступления (скорее даже «высказывания») итальянских деятелей в Европарламенте и различных европейских комиссиях всегда дают дополнительную возможность немножко развлечься.

Исторические традиции путешествия в Италию

Италия была и остается своеобразным магнитом для окружающего мира, щедро раскрывая свои сокровища и делясь тайнами бытия. Она редко разочаровывала. Восторженное преклонение – вот то чувство, которое вызывала она у своих поклонников. «Великой, даже слишком великой школой» искусства и жизни называл ее Гете. «Обетованной землей», «родной своей души», «роскошной красой», на которую нельзя наглядеться, считал Италию Н. В. Гоголь. Это отзывы великих, но были еще и другие, бесчисленные почитатели солнечной страны, которые восхищались ею, сохранив свои восторги в многочисленных путевых дневниках, записках, письмах, а иногда и просто в памяти своей и близких. Число поклонников Италии не уменьшается, а продолжает расти год от года.

Для большинства посетителей Италия – это огромный музей под открытым небом, где каждый камень освящен историей, в каждой деревушке в местной церкви есть свой шедевр живописи, каждая развалина – античная, а творения великих мастеров, каждое из которых составило бы предмет гордости хорошего европейского музея, небрежно рассыпаны по всей стране. Здесь можно приобщаться к прекрасному, наслаждаться музыкой и оперным пением, восхищаться божественной по красоте природой. Многие находили здесь душевный покой, не случайно в Италию приезжали за исцелением люди с нервными расстройствами и разбитыми сердцами.

Целебным был не только и не столько климат, сколько удивительная, ни с чем не сравнимая атмосфера умиротворения и радости. Русский публицист П. В. Анненков писал о Риме середины XIX века: «Голос Европы доходит сюда ослабленный и едва внятный; но это не китайское отъединение от всеобщей жизни, а что-то торжественное и высокое, как загородный дом, где работал великий человек. Иногда казалось мне, что Европа нарочно держит этот удивительный город, окруженный мертвыми полями с остатками водопроводов, гробниц и театров, как виллу свою, куда высылают она успокоиться сынов своих от смут, тревог, партий и всякого треволнения».

Но эта прекрасная страна никогда не была ни музеем, ни картинной галереей, ни загородной виллой. В ней жили люди и имели дерзость считать ее своей. Если Италия вызывала безусловное восхищение и восторг, то отношение к итальянцам было и остается гораздо более сложным. Слава и красота страны сыграли злую шутку с народом, ее населяющим. На фоне великих творений культуры и искусства живые реальные люди, не сошедшие с полотен мастеров, а живущие обычной повседневной жизнью, терялись и проигрывали. В этом музее и сокровищнице, куда приезжали для того, чтобы сливаться с прекрасным, они были ненужной помехой, раздражали и мешали, своим бытовизмом принижая окружающую их красоту. Именно поэтому восторженные заметки об Италии часто наполнены крайне негативными отзывами об итальянцах.

Похожая ситуация существует и сегодня. Туристы, посещающие Италию, редко сталкиваются с местными жителями, а если это и происходит, то в невыгодной для последних ситуации. Туристические места заполнены людьми, делающими на многочисленных посетителях деньги и не считающих зазорным в этом случае идти на разного рода уловки, а порой и обман.

Сами итальянцы догадываются о сложившейся ситуации и даже имеют свое видение проблемы. Уже упоминавшийся итальянский гид, работавший с американцами, писал по этому поводу: «обслуживающий персонал в Италии, как в зеркале, отражает людей, которых обслуживает, усваивая отношение и поведение своих клиентов. Именно поэтому грубые и напористые иностранцы будут жаловаться на невежливость итальянцев; требовательные вернутся домой и расскажут, что итальянцы беспомощны; бесцеремонные люди найдут итальянцев

несносными; в то время как, конечно, вежливые и непредвзятые путешественники будут неизбежно очарованы нами».

Часто приходится слышать от вернувшихся из итальянского путешествия жалобы на «нечестных итальянцев», продавших втридорога плохой товар или накормивших недоброкачественным «традиционным» обедом. Не вдаваясь в рассуждения об особенностях массового группового туризма, вызвавшего к жизни много негативных проблем современной Италии, отметим, что в этих условиях говорить о знакомстве с народом и его характером не приходится. Итальянцы, как и прежде, почти незнакомы армии многочисленных поклонников своей страны.

Особенно это заметно проявилось в отношении англичан, создавших своеобразный культ Италии. Вечная антитеза – «любовь-ненависть» преобладала в их чувствах: любовь к стране и неприятие людей, «обладавших» ею. Зачинатели Большого Турне, оставившие, наверное, самое большое количество записок и воспоминаний об Италии, англичане вполне заслужили того, чтобы стать проводниками в историю путешествия в Италию. О паломниках будет сказано отдельно, так же как и о традициях русского путешествия в эту солнечную страну.

В середине XVIII века английский писатель, ученый и общественный деятель Сэмюэл Джонсон произнес известную фразу: «... человек, никогда не бывавший в Италии, всегда испытывает чувство неполноценности, оттого что он не видел то, что должен увидеть каждый». Это замечание достаточно точно определило место итальянского путешествия в английской культуре в современную ему эпоху и пророчески предсказало будущее по крайней мере на два столетия вперед. Доктору Джонсону было виднее – сам он в Италию так и не попал, что для человека его общественного положения и интеллектуального уровня было явлением редким.

Так называемое Большое Турне (*The Grand Tour*) начало завоевывать популярность в Англии еще в середине XVI века, хотя сам термин впервые появился в литературе только сто лет спустя в книге Ричарда Ласселса «Путешествие в Италию». В елизаветинскую эпоху поездки молодых англичан в Европу всячески поощрялись, а нередко и финансировались: Англия нуждалась в образованных, знающих мир, широко мыслящих людях, нередко привозивших в свою страну заодно с новыми взглядами и разного рода практическую информацию – от современных научных открытий до сведений политического характера.

Своей кульминации, однако, Большое Турне достигло в XVIII веке, когда посещение европейских стран стало неотъемлемой составляющей образования английского джентльмена. Путешествие в Европу, как правило, совершалось в юном возрасте, в 16–18 лет, после окончания учебного заведения в родной Англии, в сопровождении наставника, игравшего важнейшую воспитательную роль. Он должен был не только обучать всему, что сам знал, прежде всего языкам, истории, географии, искусствам, но и быть своего рода гидом по самым разным странам, а главное, следить за морально-нравственным обликом своего подопечного, оберегать его от соблазнов чужих стран. Прежде всего Большое Турне считалось необходимым для завершения образования молодого человека, причем образования в широком смысле – не только ума, но и души. Помимо приобретения определенных знаний, круг которых представлялся довольно расплывчатым и туманным, путешествие предполагало развитие вкуса, улучшение манер, усовершенствование навыков общения. Англичане считали путешествие лучшим способом борьбы с хорошо известными им собственными национальными недостатками – предубеждением против всего чужеземного, отсутствием интереса к иностранным языкам и нравам, национальной замкнутостью, узостью мировосприятия. Словом, в подобном путешествии воспитание ставилось гораздо выше просто образования.

Конечной целью европейского путешествия в XVIII веке, вне всякого сомнения, была Италия. Все остальные страны являлись либо удобным маршрутом, как Франция с ее относительно удобными дорогами и речными путями, либо препятствием, как Швейцария с ее горами. Поскольку образование молодого поколения предполагалось прежде всего опосредо-

ванным путем – через перипетии путешествия, закалявшие дух, через столкновение с другими культурами, воспитывающее душу, и, наконец, через эстетическое воздействие произведений искусства, развивавшее ум, – Италия, с точки зрения англичан, являлась идеальным местом вмещающим все три составляющие.

Путешествие по континентальной Европе было делом непростым – трудности подстерегали на каждом шагу. На начальном этапе много проблем представляли разного рода грабители и бандиты, «специализировавшиеся» на путешественниках, неизбежно возивших с собой крупные суммы денег, необходимые для длительного проживания вне дома (относительно безопасным европейское путешествие становится только со второй половины XIX века), затрудняли передвижение и войны, раздиравшие Европу, и религиозные распри, и политические интриги. Универсальными для различных эпох были жалобы на условия проживания – гостиницы, еду, средства передвижения, услуги. Однако нередко создается впечатление, что главной причиной постоянных жалоб было культурное различие и непонимание, а часто элементарное незнание языка. Характерно, что путешествовавшие по провинциальной Англии иностранцы чаще всего жаловались на те же самые трудности.

Так, основные проблемы, с которыми английские путешественники XVIII века сталкивались в Италии, мало чем отличались от тех, на которые жаловались туристы во все последующие эпохи. В основном жалобы сводились к следующему (проиллюстрированы они наиболее яркими из многочисленных английских дневников той поры):

- неудобства путешествия: «Наша карета находилась в постоянной и неотвратимой опасности быть потерянной со всем багажом; а дважды нам приходилось нанимать дюжину быков и столько же людей, чтобы вытащить ее из тех дыр, в которые она попадала»;

- недоверие к местным жителям: «обман и жульничество, спутники нищеты, свирепствуют здесь; даже если вы договорились с кем-то о цене, вас все равно заставят заплатить больше»;

- плохие гостиницы: «Единственная гостиница в этом городе была отвратительной, страшной, черной, вонючей и грязной... гостиница была такой грязной и жалкой, что опозорила бы любой придорожный кабак в Англии»;

- неудобоваримая еда: «на ужин они принесли нам престарелого петуха, с застывшими черными ногами, который, казалось, умер от подагры месяц назад».

Своего рода итог трудностям, ожидавшим английского путешественника по Италии в XVIII веке, подвел доктор Шарп: «Какой простор бы вы ни дали своей фантазии, вам никогда не представить и половины неприятности, которую итальянские кровати, итальянские повара, итальянские почтовые станции, итальянские форейторы и итальянская вульгарность доставляют англичанину во время его путешествия по Италии».

Путешествие в Европу оставалось не просто модным явлением, но и необходимым элементом образования молодого англичанина, развивавшим его эстетическое мировосприятие, расширявшим его кругозор, влиявшим положительно на его манеры, наконец, просто служившим источником развлечения и удовольствия. Оно продолжало оставаться в общем и целом явлением нужным и полезным и для государства. Как образно выразился еще Фрэнсис Бэкон, вернувшийся из путешествия английский юноша должен обязательно «подколоть несколько цветов тех знаний, которые он там приобрел, к букету традиций своей собственной страны».

Вслед за англичанами путешествие в Италию в образовательных целях начинают принимать и другие народы, прежде всего немцы и французы. Маршрут и цели их столь же определены и традиционны, что и у англичан. Они посещают крупные города, рисуют скетчи, делают заметки в блокноты, словом – учатся.

Окончание эпохи Большого Турне в середине XIX века чаще всего связывают с тремя событиями в мировой истории. Во-первых, это развитие средств транспорта, а следовательно, и удешевление его, сделавшее Европу доступной для многих и лишившее Турне его гранди-

озности и сложности и, как следствие, – престижности и элитарности. Во-вторых, в 1836 году английский издатель Джон Мюррей выпустил свой первый путеводитель – по Голландии, за которым последовали многочисленные издания и переиздания, открывавшие Европу массовому читателю. Вслед за ним издатель из Кобленца Карл Бедекер начал свою серию путеводителей по Европе, а потом и по миру, добавив в них немецкую четкость, основательность и размеренность. Одним из его изобретений были звездочки, отмечавшие степень культурной значимости того или иного места. Если раньше каждый открывал для себя «свою» Европу, не имея определенной конечной обязательной цели, то теперь весь маршрут был препарирован и подан «покупателю», подобно товару на рынке. Наконец, последней каплей явилась компания, основанная знаменитым Томасом Куком.

Первый европейский маршрут, который возглавил лично Томас Кук, проходил по Франции, Бельгии, Германии. Успех был настолько велик, что путешествие это было повторено несчетное количество раз. Позже география путешествий расширилась, как и виды услуг. Даже независимый путешественник мог теперь купить специальные купоны, позволявшие ему останавливаться в определенных гостиницах по льготным ценам. Путешествие становилось массовым. На смену Большому Турне пришел век туризма.

Характерно, что Италии в эту эпоху уделялось относительно скромное место. Первые туристические группы Кука в нее даже не заходили. Первые путеводители Мюррея были посвящены северным странам континентальной Европы. Технический прогресс заметно расширил географические рамки путешествия – туристы стали проникать в ранее малодоступные страны Востока, Америки, Африки. В Европе неожиданный интерес вспыхнул к Швейцарии, до этого времени воспринимавшейся только как препятствие на пути в Италию. Железные дороги сделали путешествие в нее легким и приятным, и во второй половине XIX века швейцарские городки становятся желанным местом отдыха многочисленных англичан. Причем здесь не только отдыхают, но и лечатся, что было совершенно новым явлением для английской жизни. Викторианская эпоха усилила многие черты, и без того присущие англичанам, – патриотизм, порой чрезмерный, неприятие всего иностранного, переходящее в ксенофобию, подъем имперских настроений. Европа уже не привлекала загадочностью и возможностью получить образование, ее *использовали* в своих целях. Дешевый отдых, пикантные развлечения и эффективное лечение – вот для чего была теперь нужна Европа.

Своеобразной, слегка запоздавшей наследницей традиционного Большого Турне в период с конца XVIII до конца XIX века становится Америка. В этот период оно выполняет основные задачи европейского путешествия, важные для большинства американцев: прикосновение к истокам (Англия), приобщение к культуре (Италия) и возможность развлечься (Франция), а здоровье, спорт, образование уже были по выбору. Как и в свое время англичане, американцы не были до конца уверены в полезности европейского путешествия. Так, еще Т. Джефферсон в частном письме писал (15 октября 1785 года): «Мне кажется, что американец, отправляющийся в Европу за образованием, теряет знания, мораль, здоровье, привычки и счастливое состояние души». Американец, по мнению Джефферсона, не может долго прожить в Европе, не утратив в какой-то мере особенностей своего национального характера.

Приговор же, вынесенный М. Твеном почти через сто лет, был как всегда безжалостен: «Любезный читатель, если он не побывает за границей, так и не узнает, какой законченный осел мог бы из него выйти»⁷. Вместе с тем тот же Твен подчеркивал важность и необходимость подобных мероприятий. Главным, с его точки зрения, достижением подобных поездок является расширение кругозора, возможность вырваться из узких рамок повседневности, сумасшедшего ритма, которому все больше подчиняется жизнь среднего американца. Пребывание в другой стране, по мнению Твена, – прекрасное лекарство от пресловутого американского этноцен-

⁷ Здесь и далее перевод И. Гуровой и Р. Облонской

тризма. Он пишет: «Путешествия губительны для предрассудков, фанатизма и ограниченности, вот почему они так остро необходимы многим и многим у нас в Америке».

Европа как магнит манила американцев. Она оставалась для них средоточием культуры, искусства, тонкого вкуса, исторических традиций и высокой духовности; недостаток всего этого очень остро ощущался в американском обществе той поры. Для человека, не имеющего ни образования, ни связей, сделавшего себя и свое состояние собственными руками, европейское путешествие стало знаком принадлежности к определенному социальному кругу. Это была возможность с толком, если можно так сказать, потратить честно (или нечестно) заработанные деньги, приобщиться к общему движению, чтобы было потом о чем поговорить с соседями, наконец, отдать дань моде. В 1860-е годы европейское путешествие становится модным и даже обязательным для человека, претендующего на определенное положение в обществе. М. Твен иронизировал: «Весь этот незабываемый месяц я купался в блаженстве, впервые в жизни ощущая себя на гребне великого общественного движения. Все ехали в Европу – я тоже ехал в Европу, все ехали на знаменитую Парижскую выставку – я тоже ехал на знаменитую Парижскую выставку. В те дни пароходные линии вывозили из различных портов Соединенных Штатов в общей сложности около пяти тысяч американцев в неделю. Если за этот месяц мне и довелось встретить десяток знакомых, не уезжающих на днях в Европу, то у меня об этом не сохранилось ярких воспоминаний».

Начало XX века стало поворотным для многих мировых держав. В Англии 1901 год – год смерти королевы Виктории – стал началом конца очень важного и достаточно стабильного периода в ее истории. Ожидание перемен было в воздухе. Так же как, возможно, и ожидание мировых войн и распада империи. Привычные устои, хорошие и плохие, зашатались. Наступала новая, пугающая своей неизвестностью эпоха. Вновь возникает волна национальной самокритики, стремление посмотреть на себя со стороны. В этих непростых условиях англичане вновь обращаются к Италии. Однако уже не просто как к источнику эстетического вдохновения и художественного вкуса. Италия в начале XX века становится чем-то более важным для оказавшихся на перепутье англичан.

История итальянского путешествия англичан в начале XX века богата различными источниками. Это и разного рода дневники, воспоминания, мемуары, и частная переписка, и специальные научные и псевдонаучные трактаты, касавшиеся европейской культуры, истории, искусства, быта и нравов, появлявшиеся в Англии в то время в большом количестве. Издавались и многочисленные журналы, наполненные красочными описаниями, нередко носящими рекламный характер, красот чужой страны, и разного рода путеводители, и многое другое.

На этом пестром фоне отнюдь не теряют своего значения произведения художественной литературы, живо откликавшиеся на веяния своей эпохи, и одновременно с этим формировавшие национальные вкусы. Для анализа «итальянских мотивов» в английской культуре XX века особый интерес представляют два весьма характерных и представительных для своей эпохи романа одного из популярнейших авторов своего времени, читаемого и по сей день, Э. М. Форстера (1879–1970). Поездка в Италию, совершенная им впервые в 1901–1902 годах, произвела своего рода переворот в судьбе молодого тогда человека, и легла в основу его двух первых (из шести) и самых известных романов: «Куда боятся ступить ангелы» (1905) и «Комната с видом» (1908). Оба романа посвящены путешествию англичан в Италию, оба пронизаны легкой иронией, тихой грустью, а главное – связаны той огромной, определяющей ролью, которую играет Италия в жизни всех без исключения персонажей этих книг.

Романы Форстера позволяют отчетливо проследить как возрождение старых традиций английского путешествия в Италию, так и проникновение новых тенденций, вызванных временем. Как и в прежние времена, герои отправляются в Италию прежде всего для того, чтобы приобщиться к культуре. Италия вновь занимает свое главенствующее место в европейском путешествии. Франция, Испания и другие страны рассматриваются как страны массового туризма

и отдыха, Италия же вновь становится местом для избранных, для тех, кто хочет считать себя образованным человеком, кто стремится занять определенное место в обществе. Один из героев романа «Комната с видом» выводит даже идеальную формулу воспитания английского ребенка: «Сначала воспитывайте их среди честных провинциальных жителей для чистоты, затем пошлите их в Италию за утонченностью, а потом, и только потом, позвольте им приехать в Лондон».

Однако перемены, происшедшие в английском обществе со времени окончания Большого Турне в середине XIX века, наложили на итальянское путешествие англичан неизбежный отпечаток. Заметно меняется социальный состав путешественников: если раньше это были исключительно представители высшей аристократии, то теперь, в связи с тем что, с одной стороны, значительные средства оказались в руках среднего класса, а с другой, европейское путешествие заметно подешевело, ситуация явно изменилась. Три главных героя романа «Комната с видом», составляющие своего рода классический любовный треугольник, образовавшийся в Италии, представляют собой крайне пеструю социальную группу – Люси является дочерью адвоката, Сесил принадлежит к городским безродным снобам-интеллектуалам, а Джордж вообще говорит, что он работает «на железной дороге», правда, как выясняется позже, в одном из офисов.

Для всех них Италия является возможностью быстро и легко приобщиться к культуре и хоть к какому-то образованию, способом избавиться от своего рода комплекса «выскочки», попыткой, пусть и подсознательной, преодолеть социальный барьер. Английские аристократы теперь очень часто *живут* в Италии, английский же средний класс – *путешествует* по ней.

Интересно, что Италия в тот период считается страной абсолютно безопасной для англичан. Если в конце XVI века один английский путешественник, чтобы не быть ограбленным и убитым, путешествуя по Европе, переодевался в богемского крестьянина, то к началу XX века ситуация полностью меняется, во всяком случае в представлении англичан. Один из персонажей романа Форстера рассказывает об итальянской графине, которая, если не может отправить служанку сопровождать своих дочерей до школы, «вместо этого надевает им матросские шапочки. Тогда все принимают их за англичанок, особенно если их волосы туго стянуты на затылке». Это, по мнению английского персонажа, обеспечивает им полную безопасность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.